

Учебники и учебные пособия

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ

Коллектив авторов
Руководство для
государственного обвинителя
Серия «Учебники и учебные пособия
(Юридический Центр Пресс)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11283136

Руководство для государственного обвинителя. Учебное пособие:

Издательство «Юридический центр-Пресс»; СПб.; 2011

ISBN 978-5-94201-634-0

Аннотация

2-е издание учебного пособия (1-е издание вышло в свет в 2003 г.) представляет собой результат комплексного исследования криминалистических проблем организации деятельности государственного обвинителя при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции. Пособие адресовано прокурорам, осуществляющим уголовное преследование в суде первой инстанции, а также может быть использовано в процессе повышения квалификации прокурорских работников.

Содержание

Введение	5
Часть I	8
Глава 1	8
§ 1. Уголовное преследование, осуществляемое государственным обвинителем: понятие, виды и классификации	8
§ 2. Основные элементы познавательной деятельности государственного обвинителя в процессе уголовного преследования	37
§ 3. Принципы и методы познания в уголовном судопроизводстве	64
Глава 2	104
§ 1. Тактические аспекты деятельности прокурора в подготовительной части судебного заседания	104
§ 2. Тактические проблемы, возникающие перед прокурором в начальной стадии судебного следствия, и пути их решения	116
Конец ознакомительного фрагмента.	128

О. Н. Коршунова
Руководство для
государственного
обвинителя.
Учебное пособие

© Коллектив авторов, 2011

© ООО «Юридический центр-Пресс», 2011

Введение

Современное законодательство и тенденции его развития, определяющие новое соотношение функций суда и прокурора в судебном разбирательстве, диктуют необходимость иного подхода к вопросам, связанным с поддержанием государственного обвинения, и разработки рекомендаций по использованию достижений криминалистики в судебном процессе.

С момента зарождения криминалистика является наукой, обеспечивающей достижение целей уголовного судопроизводства. Традиционно сложилось так, что криминалистика была ориентирована, прежде всего, на решение задач, возникающих на досудебных стадиях, т. е. при раскрытии и расследовании преступлений. Это обусловлено рядом причин, в том числе и существовавшими подходами к определению содержания деятельности тех государственных органов и лиц, которые должны выявлять, расследовать преступления, принимать предусмотренные законом меры к привлечению виновных в их совершении лиц к уголовной ответственности.

Вместе с тем на протяжении уже нескольких десятилетий предпринимаются весьма удачные попытки использования криминалистических знаний и рекомендаций, разработанных криминалистикой методов и средств в деятельности, осуществляемой участниками уголовного преследования в

судебных стадиях. В настоящее время все чаще деятельность правоохранительных органов в различных стадиях уголовного процесса рассматривается в едином контексте. Наличие общих целей и задач позволяет рассматривать уголовное преследование как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных действий.

Уголовное преследование в соответствии с Законом РФ «О прокуратуре Российской Федерации» осуществляется в целях обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Это одно из направлений деятельности, которые прокуратура Российской Федерации осуществляет в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. Важной составной частью уголовного преследования является поддержание государственного обвинения в суде первой инстанции.

Роль государственного обвинения в противодействии преступности сегодня приобретает особое значение и определяется Генеральной прокуратурой как одно из приоритетных направлений в деятельности органов прокуратуры.¹

Поддерживая в суде государственное обвинение, прокурор представляет одну из сторон процесса и одновременно

¹ Приказ Генеральной прокуратуры № 185 от 20.11.2007 г. «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

несет ответственность за соблюдение законности в судебном разбирательстве.

В современных условиях, характеризующихся реализацией принципов независимости суда, состязательности и равенства сторон, государственный обвинитель не может зависеть от тех материалов, которые предоставлены в его распоряжение предварительным расследованием. Его поведение должно носить наступательный характер, он обязан не просто присутствовать при рассмотрении дела, а активно участвовать в исследовании доказательств, в установлении всех обстоятельств дела, в формировании у суда правильной позиции, в конечном итоге способствовать вынесению законного и обоснованного решения по делу.

На решение этих задач должны быть нацелены его профессиональные знания, умения и навыки.

Часть I

Общетеоретические и тактические аспекты участия государственного обвинителя в судебном разбирательстве в суде первой инстанции

Глава 1

Государственный обвинитель как субъект уголовного преследования и участник познавательного процесса

§ 1. Уголовное преследование, осуществляемое государственным обвинителем: понятие, виды и классификации

В Законе РФ «О прокуратуре Российской Федерации»

закреплено положение, согласно которому государственный обвинитель, участвуя в судебном разбирательстве по уголовным делам, осуществляет уголовное преследование. При этом он должен руководствоваться правилами и принципами уголовно-процессуального законодательства. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом РФ государственный обвинитель – это поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры, а поддержание государственного обвинения в суде, в свою очередь, – лишь составная часть уголовного преследования, осуществляемого от имени государства в предусмотренных законом случаях. Поэтому представляется необходимым рассмотрение основных вопросов, связанных с организацией деятельности государственного обвинителя, предварить кратким исследованием общих вопросов уголовного преследования в целом: его понятия, сущности, видов, принципов, субъектов, методов организации.

Понятие уголовного преследования не является новым для российского законодательства. Тем не менее на протяжении многих лет существовавшее как теоретическая конструкция либо определенная практическая деятельность уголовное преследование привлекает внимание ученых, вызывая серьезные размышления и дискуссии.

Основное внимание учеными уделялось и уделяется процессуальному аспекту проблемы, в меньшей степени иссле-

дованной представляется гносеологическая сущность уголовного преследования. Выступая в качестве формы и содержания, они тесно взаимосвязаны. Их значение трудно переоценить. Форма предопределяет содержание деятельности, в свою очередь, результаты исследования деятельности могут не только выступить в качестве основы для выработки наиболее эффективных средств, способов и методов ее осуществления, но и стимулировать совершенствование формы.

Поскольку наиболее полное представление об объекте познания можно получить только с учетом результатов изучения исторического аспекта проблемы, то исследование уголовного преследования как уголовно-процессуальной категории ряд ученых начинают с определения того момента в истории государства и права, с которым связано появление уголовного преследования в России. Следует отметить, что в литературе нет единого мнения о моменте начала использования данного понятия в российской юридической технике. Впервые собственно понятие уголовного преследования (точнее, судебного преследования) законодатель использовал в Уставе уголовного судопроизводства (20 ноября 1864 г.) (далее – Устав).

Однако отдельные авторы считают возможным в связи с исследуемым понятием упоминать более ранний законодательный акт – «Краткое изображение процессов или судеб-

ных тяжёб» (март 1715 г.)² (далее – «Краткое изображение»).

Существенные изменения в систему и полномочия органов, связанных в той или иной степени с уголовным преследованием, внесла судебная реформа 1864 г. Первым из законодательных актов реформы было «Учреждение судебных установлений» (20 ноября 1864 г.).

Этот акт не только ввел новую систему судов в России, но и закрепил ее принципиальное отличие от дореформенной системы – всесословность³. Он также содержал нормы, достаточно подробно, в отличие от предыдущих актов, регулирующие организацию и деятельность прокуратуры. Этим вопросам был посвящен самостоятельный раздел третий «О лицах прокурорского надзора». В указанном разделе были закреплены строгая иерархическая дисциплина, единоначалие и независимость прокуроров от каких бы то ни было местных, административных и судебных органов (ст. 129).

Задачи прокуратуры в соответствии с «Учреждением судебных установлений» охватывали надзор за единообразным соблюдением законов, возбуждение уголовного преследования, участие в уголовном и гражданском судопроизвод-

² Жук О.Д. О понятии и содержании функции уголовного преследования в уголовном процессе России // Законодательство. 2004. № 2. С. 77.

³ Виленский Б. В. Учреждение судебных установлений // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. / Под общ. ред. докт. юрид. наук, проф. О.И. Чистякова. Т. 8: Судебная реформа / Отв. ред. докт. юрид. наук Б.В. Виленский. М., 1991. С. 83.

ствах.⁴

Данные положения получили свое развитие в Уставе уголовного судопроизводства (20 ноября 1864 г.), после принятия которого на смену инквизиционному процессу приходит состязательный. Именно в ст. 1 Общих положений впервые появился термин «уголовное преследование» («судебное преследование»). Закреплены были и такие важные процессуальные положения, как возможность возбуждать судебное преследование как должностными, так и частными лицами (ст. 2), право поддерживать частное обвинение в мировых судах потерпевшими (ст. 3), обязанность прокуроров и их товарищей поддерживать обвинение по уголовным делам, подведомственным общим судебным установлениям (ст. 4) и др.⁵

Прокурор в соответствии с Уставом не производил расследования, а давал «предложения судебному следователю» и постоянно наблюдал «за производством сих следствий» (ст. 278). По производству же дознания полицейские чины состояли в непосредственной зависимости от прокуроров и их товарищей (ст. 279).

Таким образом, многие и ныне действующие положения, связанные с осуществлением уголовного преследования и лицами, которые его осуществляют, их полномочиями и взаимоотношениями, были установлены еще в ходе судебной

⁴ Там же. С. 30.

⁵ Там же. С. 120.

реформы 1864 г.

В послеоктябрьский период Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. также использовал понятие «уголовное преследование». Но в УПК РСФСР 1961 г. этот термин уже отсутствовал и вновь появился в уголовно-процессуальном законодательстве в начале XXI в. с введением Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Существенные изменения законодательства не могли не вызывать интереса ученых к исследованию проблем, связанных с уголовным преследованием. Эти проблемы рассматривали в своих работах такие видные отечественные ученые, как С.И. Викторский, Д.Т. Тальберг, И.Я. Фойницкий.⁶ Разработкой теории уголовного преследования активно занимались М.С. Строгович, М.А. Чельцов-Бебутов, Н.Н. Полянский, Ф.Н. Фаткуллин, П.С. Элькинд, А.М. Ларин и др.⁷ Сегодня вопросы уголовного преследования рассматривают А.Б. Соловьев, М.Е. Токарева, С.П. Щерба, А.Г. Халиуллин, Н.А. Якубович, А.П. Лобанов, О.Я. Баев и др.⁸

⁶ См.: Викторский С.И. Русский уголовный процесс. М., 1912; Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1889. Т. 1; Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Пг., 1915. Т. 2.

⁷ См.: Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951; Чельцов-Бебутов М.А. Советский уголовный процесс. Харьков, 1929; Он же. Советский уголовный процесс. М., 1951. С. 88–89; Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и судебный процесс. М., 1946; Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л., 1963; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. С. 24–25 и др.

⁸ См., напр.: Соловьев А.Б. Функция уголовного преследования в досудебных

Помимо исторического аспекта проблемы наиболее существенные споры связаны с определением содержания указанного понятия.

В зависимости от подхода к определению процессуального понятия уголовного преследования существующие в литературе точки зрения прежде всего можно объединить в две группы.

Достаточно распространенной в начале XX в. и сохранившей актуальность позже является точка зрения, в соответствии с которой понятия «уголовное преследование» и «обвинение» тождественны. В разные годы такую позицию высказывали в своих работах А.Я. Фойницкий⁹, М.С. Строгович¹⁰, А.М. Ларин¹¹.

стадиях процесса // Прокуратура и правосудие в условиях судебно-правовой реформы. М., 1997; Соловьев А.Б., Якубович Н.А. К вопросу о концепции правового обеспечения уголовного преследования // Современные процессы уголовного права, процесса и криминалистики. М.; Кемерово, 1996; Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиуллин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса. М.; Кемерово, 1997; Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в советском уголовном судопроизводстве. М., 1980; Лобанов А.П. Функции уголовного преследования и защиты в российском судопроизводстве: Автореф. дне... докт. юрид. наук. М., 1996; Халиуллин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. Кемерово, 1997; Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Научно-практическое пособие. М.: Изд-во «Экзамен», 2003 и др.

⁹ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1912. Т. 2. С. 3–7.

¹⁰ Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 194.

¹¹ Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции.

Другая группа ученых в той или иной мере обосновывала тезис, согласно которому понятие «уголовное преследование» шире, чем понятие «обвинение», т. е. рассматриваемые понятия соотносятся как общее и частное. К этой группе следует отнести Н.Н. Полянского¹², П.С. Элькинд¹³, Д.С. Карева¹⁴, Н.А. Якубович¹⁵, А.Б. Соловьева, М.Е. Токареву, А.Г. Халиуллина¹⁶ и других ученых¹⁷. Указанная позиция представляется более приемлемой на данном этапе развития теории уголовного преследования по нескольким причинам.

Прежде всего следует учитывать, что отождествление уголовного преследования с обвинением неизбежно приводит

С. 25.

¹² Полянский Н.Н. К вопросу о юридической природе обвинения перед судом // Правоведение. 1960. № 1. С. 114.

¹³ Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. С. 60–61.

¹⁴ Карев Д.С. Советский уголовный процесс. М., 1968. С. 25.

¹⁵ Якубович Н.А. Процессуальные функции следователя // Проблемы предварительного следствия в советском уголовном судопроизводстве. М., 1980. С. 25.

¹⁶ Соловьева А.Б., Токарева М.Е., Халиуллин А.Г., Якубович Н.А. Законность в досудебных стадиях уголовного процесса. С. 39; Халиуллин А.Г. Осуществление функции уголовного преследования прокуратурой России. С. 29.

¹⁷ См., напр.: Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М., 2003. С. 52; Асанов В. О содержании уголовного преследования // Уголовное право. 2000. № 4. С. 4; Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. Автореф. дне... канд. юрид. наук. Самара, 1999. С. 8; Даровских С.М. Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации: Автореф. дне... канд. юрид. наук. Челябинск, 2001. С. 15.

к выводу о том, что основным содержанием уголовного преследования являются предъявление и поддержание обвинения конкретного лица. На самом деле представляется, что основным содержанием уголовного преследования является такой процесс изучения обстоятельств преступления, который приводит к законному и обоснованному выводу о совершении этого преступления определенным лицом (лицами). Этот вывод на различных этапах уголовного процесса формулируется в постановлениях о привлечении лица в качестве обвиняемого, обвинительном заключении и обвинительном приговоре. Сложность и многофакторность процесса исследования обстоятельств преступления объективно на том или ином этапе могут привести к ошибочному выводу о виновности лица. Объем доказательств, достаточный для предъявления обвинения на одном этапе уголовного преследования, может оказаться совсем недостаточным для передачи уголовного дела в суд и тем более для вынесения обвинительного приговора. Отказ от обвинения конкретного лица, ранее привлеченного в качестве обвиняемого, не означает безусловного прекращения уголовного преследования с целью отыскания того, кто фактически совершил преступление.

Справедливым представляется мнение о том, что обвинение – неотъемлемый и существенный элемент уголовного преследования, но не его синоним¹⁸.

¹⁸ Кавтун Н.Н., Кузнецов А.П. Сущность и содержание функции уголовного

Принимая во внимание, что деятельность по осуществлению уголовного преследования, в том числе и деятельность государственного обвинителя, многопланова и многоаспектна, целесообразно согласиться с необходимостью различать процессуальную и познавательную составляющие указанной деятельности. Содержание деятельности государственного обвинителя в суде первой инстанции во многом определяется его процессуальным положением. Используемые им методы, приемы и способы осуществления такой деятельности также должны отвечать требованиям закона. Очевидно, что полномочия государственного обвинителя в суде первой инстанции определены процессуальным законодательством. Основные положения, определяющие порядок его участия в судебном разбирательстве, также законодательно закреплены. Вместе с тем процессуальные нормы не предусматривают и не должны предусматривать всех вариантов, всех особенностей познавательной деятельности государственного обвинителя.

На современном этапе разработки указанного комплекса вопросов подавляющее большинство авторов рассматривают уголовное преследование исключительно как уголовно-процессуальную функцию и ограничиваются рамками уголовного процесса как специфической деятельности. Соглашаясь с необходимостью глубокого исследования процес-

суального аспекта проблемы, полагаем справедливой точку зрения, в соответствии с которой уголовное преследование – явление более широкое и не ограничивается рамками только уголовно-процессуальной деятельности¹⁹.

Уголовное преследование необходимо рассматривать как познавательный процесс.

Ранее при исследовании и обсуждении проблем, связанных с деятельностью по осуществлению уголовного преследования, как нам представляется, авторы исходили из необходимости разграничения стадий уголовного судопроизводства для определения целей и задач, стоящих перед участниками уголовного процесса. Самостоятельно исследовались проблемы применительно к досудебным стадиям, определенное внимание уделялось и изучению проблем поддержания государственного обвинения в суде.

С развитием принципа состязательности ситуация изменилась: на первый план выдвинулись иные вопросы, иные подходы к определению ролей и функций участников уголовного судопроизводства. Это требует переосмысления существовавших ранее подходов к определению понятия «уголовное преследование», его принципов и тех составляющих, которые были сформулированы и сложились в соответствии с ранее действовавшим законодательством, а также были предложены в его развитие учеными. Требуют переосмысления и подходы к определению содержания процесса по-

¹⁹ Асанова В. О содержании уголовного преследования. С. 4.

знания, осуществляемого государственным обвинителем. В настоящее время представляется возможным сосредоточить внимание на криминалистических проблемах, которые возникают в связи с организацией и осуществлением его деятельности.

Исследование этих проблем имеет большое теоретическое и практическое значение. Прежде всего должна быть создана теоретическая база для разработки новых и совершенствования уже имеющихся методов и методик организации и осуществления деятельности государственного обвинителя.

Несомненно, существуют некоторые общие закономерности, которые определяют характер и направления такой деятельности независимо от особенностей события преступления того или иного вида, группы, категории. Анализ таких закономерностей в логической взаимосвязи с закономерностями более частного характера должен привести к созданию такой теоретической базы, на основе которой будет сформирована система научно обоснованных методов и методик. При этом в качестве частных рассматриваются закономерности, отражающие специфику деятельности государственного обвинителя в зависимости от того, в рассмотрении уголовного дела о преступлении какого вида, группы, категории ему предстоит участвовать.

Только посредством системного подхода можно уяснить криминалистическую сущность осуществляемого го-

сударственным обвинителем уголовного преследования как познавательного процесса, сформулировать его основные принципы и правила, разработать максимально эффективные методы осуществления деятельности рассматриваемого вида.

С другой стороны, прочная теоретическая и методологическая основа обеспечивает возможность и целесообразность использования разработанных методов и методик в практической деятельности государственного обвинителя.

Еще в «Учреждении судебных установлений» 1864 г. было закреплено правило, согласно которому «лица прокурорского надзора действуют единственно на основании своего убеждения и существующих законов» (ст. 130)²⁰.

Обсуждение сложных вопросов организации криминалистической деятельности по обеспечению целей и задач уголовного преследования невозможно без решения ряда проблем общего характера. Поэтому прежде всего следует определить криминалистическое содержание понятия «уголовное преследование», то, как оно соотносится с понятием «уголовное судопроизводство», и т. п. При этом криминалистическое значение рассматриваемого понятия не противопоставляется и не может противопоставляться его процессуальному значению. Речь идет лишь о том, чтобы определить содержание этого понятия, исходя из криминалистических подходов к исследованию события преступления, к

²⁰ Цит. по: Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. С. 45.

организации деятельности государственного обвинителя по осуществлению уголовного преследования лиц, совершивших преступление.

По нашему мнению, следует различать понятие «уголовное преследование», употребляемое в узком и широком смыслах.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ определяет уголовное судопроизводство как совокупность двух составляющих: досудебного и судебного производства. В свою очередь судебное разбирательство определяется как судебные заседания судов первой, второй и надзорной инстанций (п. 9, 51, 56 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Под уголовным преследованием в узком (процессуальном) смысле следует понимать деятельность, осуществляемую стороной обвинения (прокурором, следователем, дознавателем, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем, гражданским истцом и его представителем) в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 47, 55 ч. 1 ст. 5 УПК РФ).

Поскольку сторонами являются только те участники уголовного судопроизводства, которые выполняют на основе состязательности функцию либо обвинения, либо защиты от обвинения, то, соответственно, можно сказать, что сторону обвинения представляют те участники уголовного судопроизводства, которые выдвигают и обосновывают утверждение

о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом (п. 22 ч. 1 ст. 5 УПК РФ). Таким образом, деятельность государственного обвинителя в суде первой инстанции является составляющей уголовного преследования в узком (процессуальном) смысле.

Понятия «государственное обвинение в суде» и «уголовное судопроизводство» соотносятся как частное и общее. Однако такое соотношение не позволяет определить содержание деятельности государственного обвинителя в полном объеме.

В зависимости от избираемых приемов и методов осуществления уголовного преследования следует различать деятельность государственного обвинителя правомерную либо неправомерную. Правомерной она будет в том случае, если государственный обвинитель реализует свои полномочия и организует деятельность в соответствии с теми требованиями и правилами, которые определены уголовно-процессуальным законодательством. Неправомерной либо противоправной такая деятельность будет при условии, если государственный обвинитель существенно нарушит указанные правила, отступит от них по той или иной причине.

Причем независимо от целей, преследуемых им, результаты неправомерно осуществляемого уголовного преследования не только не могут служить основой для принятия законного решения, но могут дать право другим субъектам на

осуществление уголовного преследования по факту совершения нового преступления.

Правомерное уголовное преследование осуществляется с использованием процессуальных возможностей по оценке собранных в досудебных стадиях уголовного преследования доказательств, а также возможностей участия в исследовании их судом первой инстанции. Неправомерной такая деятельность будет в случае осуществления ее как с фрагментарными нарушениями или отступлениями от требований закона (например, использование методов и средств, противоречащих букве и духу закона, и т. п.), так и полностью противоправно (например, поддержание государственного обвинения ненадлежащим субъектом).

Государственный обвинитель получает право осуществлять уголовное преследование с момента решения вопроса о поручении ему исполнения соответствующей функции. С этого же времени у него возникает обязанность осуществлять уголовное преследование при отсутствии обстоятельств, исключающих такую возможность.

С момента получения государственным обвинителем соответствующего поручения у него возникают право и обязанность начать деятельность, направленную на изучение материалов уголовного дела, которые содержат информацию о:

- собранных по делу доказательствах, подтверждающих факт обнаружения события преступления, а также факт со-

вершения его лицами, привлеченными к уголовной ответственности;

- ходе и результатах собирания, исследования и оценки указанных доказательств в досудебных стадиях уголовного преследования;

- принятых по делу процессуальных и иных решениях.

Эта деятельность имеет большое криминалистическое значение, поскольку именно на данном этапе может и должна быть собрана первая криминалистически значимая информация, исходя из которой будут решаться не только процессуальные, но и тактико-методические вопросы (о выдвижении версий, определении направлений деятельности, выборе технических, тактических и методических средств, приемов и методов и т. п.). Она предшествует осуществлению государственным обвинителем уголовного преследования в узкопроцессуальном смысле, однако, по нашему мнению, представляет собой неотъемлемую часть его познавательного процесса, обеспечивая возможность, успешность и эффективность этого процесса с информационной точки зрения. Поэтому такая деятельность должна осуществляться правомерными способами, основываться на результатах познания тех общих закономерностей, которые отражают сущность рассматриваемого вида деятельности.

Вместе с тем важно определить не только момент начала этой деятельности, но и момент ее окончания. Представляется, что она не заканчивается и не может заканчиваться.

ся прекращением уголовного преследования. Традиционными для криминалистической науки задачами являются выработка методов, приемов и средств не только выявления, изобличения и привлечения к ответственности лиц, виновных в совершении преступления, но и выявления причин и условий, которые способствовали совершению этих преступлений, для организации профилактики и предупреждения их совершения в будущем.

Приемы, способы и средства, призванные способствовать повышению эффективности познавательной деятельности государственного обвинителя, составляют ее сущность, одновременно расширяя рассмотренное выше процессуальное понятие.

Таким образом, необходимо и целесообразно рассматривать понятие государственного обвинения в более широком, чем собственно процессуальный, смысле. Поскольку содержание этого понятия предполагается определять, исходя из криминалистических целей и задач, то и предлагаемое более широкое понятие будет криминалистическим.

В любом случае возможно существование нескольких разновидностей познавательной деятельности, выделение которых необходимо для уяснения сущности деятельности государственного обвинителя по осуществлению уголовного преследования и разработке более детальных рекомендаций по осуществлению этой деятельности в целом и каждого ее вида в отдельности. При этом классификации могут

быть проведены по различным основаниям. Остановимся на нескольких, представляющихся наиболее значимыми.

Содержание деятельности по осуществлению уголовного преследования, в том числе и деятельности государственного обвинителя, во многом определяется тем, какое преступление совершено. В связи с этим классификацию видов уголовного преследования, осуществляемого в суде первой инстанции, следует проводить в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления. Действующее уголовно-процессуальное законодательство закрепило существование трех видов процессуального уголовного преследования: осуществляемого в *публичном, частно-публичном и частном порядке* (ст. 20 УПК РФ).

При этом законодатель определил круг преступлений, уголовное преследование по которым осуществляется в порядке частного (ч. 2 ст. 20 УПК РФ) или частно-публичного обвинения (ч. 3 ст. 20 УПК РФ), а также сформулировал отличия, характеризующие процедуру осуществления такого преследования. Эти преступления отличает сравнительно меньшая степень общественной опасности. Поэтому законодатель счел возможным решение о возбуждении уголовного дела, как правило, ставить в зависимость от желания потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя.

Законодатель также определил круг субъектов, которые обязаны или вправе принимать участие в осуществлении

уголовного преследования, и разграничил их полномочия в зависимости от вида уголовного преследования.

При этом государственный обвинитель обязан принимать участие в осуществлении уголовного преследования в суде первой инстанции. Он осуществляет уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения (ч. 1 ст. 21 УПК РФ).

Вместе с тем следует иметь в виду, что потерпевшему, его законному представителю и (или) представителю законодатель предоставляет право участвовать в уголовном преследовании, а по уголовным делам частного обвинения – выдвигать и поддерживать обвинение (ст. 22 УПК РФ). Во втором случае возбуждение уголовного дела осуществляется путем подачи заявления потерпевшим или его законным представителем, а подавшее заявление лицо является частным обвинителем с момента принятия такого заявления судом (ст. 318 УПК РФ).

Одновременно необходимо подчеркнуть, что исследование события преступления в целом, а также наиболее значимых его элементов и связей является значимой составляющей деятельности любого из перечисленных выше субъектов, осуществляющих уголовное преследование в суде. При этом для государственного обвинителя событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства его совершения), обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого (подсудимого), и ряд других элементов относятся

к категории подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

Для потерпевшего, его законного представителя и (или) представителя необходимость познания события преступления, его элементов и связей может быть обусловлена желанием эффективно участвовать в уголовном преследовании, а также требованиями закона, предъявляемыми к содержанию заявления, подаваемого в суд по делам частного обвинения (ч. 5 ст. 318 УПК РФ).

В ряде случаев с самого начала очевидно, о преступлении какого вида идет речь, а следовательно, кто из субъектов уголовного преследования обладает теми или иными правами либо обязанностями, какие действия он обязан либо вправе совершать. Но достаточно часто заявители и даже лица, производящие проверку заявления или сообщения, не могут сразу однозначно ответить на вопрос о квалификации деяния.

Кроме того, поскольку в рамках любого из названных трех видов уголовного преследования изучается и оценивается преступление как система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, процесс познания должен быть подчинен определенным общим правилам.

Вместе с тем законодатель достаточно существенно разграничивает полномочия различных субъектов уголовного преследования в суде первой инстанции, чем, в свою очередь, предопределяет некоторые особенности осуществле-

ния ими процесса познания в рамках уголовного судопроизводства. Поэтому следующая значимая для целей настоящего исследования классификация должна быть, по нашему мнению, проведена в зависимости от субъекта деятельности. По этому основанию следует выделять уголовное преследование, осуществляемое: государственным обвинителем, частным обвинителем, потерпевшим, его законным представителем и (или) представителем, гражданским истцом и его представителем.

Как уже отмечалось, для одних субъектов – государственных обвинителей – осуществление уголовного преследования является обязанностью, для других – правом. Для первых успешность и эффективность деятельности обусловлены наличием и характером соответствующего (юридического) образования и (или) опыта осуществления соответствующей практической деятельности. У представителей второй группы субъектов уголовного преследования такие образование и опыт чаще всего отсутствуют, а следовательно, не могут быть использованы в познавательной деятельности, что предопределяет ее специфику.

В связи с этим представляется целесообразным в зависимости от особенностей субъектов выделять два вида уголовного преследования: осуществляемое государственным обвинителем, который выполняет возложенные на него обязанности, и осуществляемое иными субъектами, реализующими свое право участвовать в уголовном преследовании обви-

няемых по делам публичного и частно-публичного обвинения либо выдвигать или поддерживать обвинение по делам частного обвинения (потерпевший или его законный представитель и (или) представитель).

Государственный обвинитель, реализуя свои права и выполняя определенные законом обязанности, призван защищать те законные права и интересы отдельных граждан, групп населения, общества и государства, которые уже были нарушены или которые могут быть нарушены, если не будет пресечена деятельность виновных или, например, не будут ликвидированы последствия такой деятельности. Таким образом, деятельность государственного обвинителя по осуществлению уголовного преследования виновных является составной частью реализации его правозащитной функции.

Для иных субъектов осуществление уголовного преследования является только правом, которое может быть ими реализовано в установленном законом порядке. Поскольку такая обязанность для данных субъектов отсутствует, вполне может сложиться ситуация, когда имеющееся право не будет реализовано в процессуальных формах. Субъект сам решает, нуждается ли нарушенное право в защите вообще, и в защите в уголовно-процессуальном порядке в частности.

Криминалистические проблемы организации деятельности по осуществлению уголовного преследования необходимо рассматривать, прежде всего, применительно к тем, кто осуществляет уголовное преследование от имени государ-

ства.

Формы их деятельности достаточно подробно регламентированы в уголовно-процессуальном законодательстве. Отыскание, сбор, исследование и оценка информации может осуществляться ими только в рамках, установленных законом. При этом на различных стадиях уголовного преследования эти требования закона дифференцированы, коррелируют с теми или иными особенностями содержания стадии.

Не отрицая важности обеспечения защиты прав и законных интересов человека от любого посягательства, тем не менее, представляется возможным и целесообразным сосредоточить внимание на наиболее значимых криминалистических аспектах деятельности государственного обвинителя, который осуществляет эту деятельность от имени государства.

Этот подход обусловлен рядом факторов. Во-первых, несомненно, большую значимость имеет обеспечение эффективной организации уголовного преследования в суде в случае совершения наиболее тяжких, в том числе и особо тяжких, преступлений, т. е. в случае осуществления уголовного преследования в публичном или, по крайней мере, частно-публичном порядке. Именно такие преступления причиняют (или могут причинить в дальнейшем) наиболее существенный вред правам и законным интересам личности, группы лиц, угрожают безопасности общества и государства.

Во-вторых, по нашему мнению, криминалистика как на-

ука призвана обеспечивать разработку рекомендаций, направленных на повышение эффективности деятельности тех государственных органов и должностных лиц, чьими основными обязанностями является осуществление уголовного преследования от имени государства в целях защиты человека и гражданина, общества и государства от преступных посягательств, в том числе и государственного обвинителя. Таким образом, криминалистика должна заниматься исследованием проблем, возникающих именно в связи с деятельностью этих лиц: исследовать сущность и специфику их деятельности, выявлять общие закономерности ее организации и осуществления, формулировать частные закономерности, разрабатывать научно обоснованные рекомендации по наиболее эффективному осуществлению уголовного преследования.

Что же касается субъектов второй группы, то поскольку осуществление уголовного преследования является для них не обязанностью, а правом, решение о начале и окончании уголовного преследования они принимают сами, по своему внутреннему убеждению. При этом они весьма условно связаны с позицией государства: если в Уголовном кодексе РФ данное деяние отнесено к категории преступлений, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ – к делам частного обвинения, то все дальнейшие решения потерпевший принимает сам. Потерпевший сам избирает тактику и методику организации своей деятельности. При этом весьма вероятным и

целесообразным будет использование рекомендаций, разработанных криминалистикой для субъектов первой группы с учетом особенностей, характеризующих деятельность субъектов второй группы.

Названные выше классификации имеют самостоятельное криминалистическое значение, однако для разработки рекомендаций, позволяющих повысить эффективность уголовного преследования, осуществляемого государственным обвинителем, они представляются недостаточными по ряду причин.

Прежде всего следует отметить, что учета только характера и тяжести совершенного преступления явно недостаточно для конкретизации общих закономерностей организации уголовного преследования в суде.

Результаты изучения следственной и судебной практики свидетельствуют о том, что в случаях выявления преступлений, квалифицируемых одинаково, объем криминалистически значимой информации на соответствующих этапах и стадиях уголовного преследования может различаться весьма существенно. Различной по объему может быть информация о виновном лице, об обстоятельствах расследуемого преступления или рассматриваемого уголовного дела и т. п.

Очевидно, что в каждом из названных случаев частные закономерности организации уголовного преследования будут различаться также весьма существенно.

Принимая это во внимание, необходимо дополнить пред-

ложенные выше классификации видов уголовного преследования.

Самостоятельная классификация видов уголовного преследования должна быть проведена в зависимости от объема и характера имеющейся информации о виновном. Известно, что не только на этапе доследственной проверки, но и при возбуждении уголовного дела часто не известно, кто именно совершил преступление, отсутствуют данные о личности виновного. Это не исключает возможности возбуждения уголовного дела при наличии к тому предусмотренных в законе поводов и оснований. Однако очевидно, что деятельность субъектов уголовного преследования в этом случае будет существенно отличаться от той, которая должна последовать при возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица.

В определенной мере сходная ситуация может сложиться и в ходе судебного разбирательства. Привлечение лица или лиц к уголовной ответственности и направление уголовного дела в суд еще не гарантируют установления именно тех лиц, а также всех лиц, совершивших преступление.

По указанному основанию представляется необходимым выделять персонифицированное и неперсонифицированное уголовное преследование. Предложенное разделение носит достаточно условный характер, поскольку неперсонифицированное уголовное преследование в любой момент может перерасти в персонифицированное. Определенные сложно-

сти представляет решение вопроса о том, в какой именно момент имеются достаточные основания для вывода о приобретении уголовным преследованием персонифицированного характера. Такого рода переход достаточно обоснованно может быть связан с несколькими моментами:

- 1) выявлением виновного лица,
- 2) задержанием виновного,
- 3) установлением его анкетных данных,
- 4) привлечением в качестве обвиняемого,
- 5) направлением уголовного дела с обвинительным заключением в суд,
- 6) постановлением обвинительного приговора.

Как видим, некоторые из названных моментов являются непроцессуальными, т. е., будучи результатом определенной деятельности, они могут не найти отражения в процессуальных документах. Что же касается второго, четвертого, пятого и шестого случаев, то это, несомненно, процессуальные действия (решения), которые фиксируются в соответствующих протоколах, постановлениях и т. п.

Каждый из названных моментов знаменует собой определенный этап познавательной деятельности, направленной на достижение целей уголовного преследования. И каждый из них характеризует определенные этапы накопления информации о виновном, конкретизации сведений о нем как о лице, совершившем определенное преступление (ряд преступлений).

Об определенной степени персонификации уголовного преследования можно говорить, уже начиная с момента выявления (установления) виновного. Собранных на этот момент данных может быть недостаточно даже для задержания его в качестве подозреваемого, а тем более для предъявления обвинения. Однако криминалистический процесс познания уже будет ориентирован в том числе и на исследование конкретной личности, ее причастности к преступлению, степени участия в его совершении и т. п., иными словами, не исключая необходимости и возможности выдвижения и проверки версий, не связанных с данным лицом, можно говорить о том, что фактически уголовное преследование уже носит персонифицированный характер.

В любом случае такое перерастание уголовного преследования из неперсонифицированного в персонифицированное, основанное на собранной в процессе исследования события преступления информации, является одной из основных задач неперсонифицированного уголовного преследования.

Чем более полной и объективной будет собранная информация, чем точнее будут соблюдаться требования уголовно-процессуального законодательства при ее отыскании, исследовании и оценке, тем меньше вероятность того, что уголовное преследование может осуществляться неправомерно либо вновь перерасти в неперсонифицированное.

Таким образом, представляется, что с криминалистиче-

ской точки зрения под уголовным преследованием, осуществляемым государственным обвинителем в суде первой инстанции, следует понимать вид познавательной деятельности, осуществляемой уполномоченным на то субъектом в пределах предоставленных ему законом прав и обязанностей с момента получения информации о необходимости поддерживать государственное обвинение по уголовному делу, поступившему в суд, в порядке публичного, частнопубличного или частного обвинения и носящей персонифицированный либо неперсонифицированный характер.

§ 2. Основные элементы познавательной деятельности государственного обвинителя в процессе уголовного преследования

Независимо от вида уголовного преследования, наличия информации о виновном, а также ее объема и характера основным содержанием рассматриваемого вида деятельности является познание события преступления.

Преступление традиционно является одним из объектов, изучаемых криминалистикой. Вместе с тем и сам процесс познания этого объекта представляет несомненный интерес. Какие принципы и правила должны при этом соблюдаться, какие приемы и методы могут быть использованы для по-

вышения эффективности рассматриваемого вида деятельности? На эти и другие вопросы должна ответить криминалистика.

В последние десятилетия ученых все больше интересует процесс получения знания, его приращения, развития, а это предполагает использование достижений истории науки, когнитивной психологии, учета личностного фактора в познавательной деятельности²¹.

Познание рассматривается как форма отражения и воспроизведения в человеческом мышлении действительности²². Если речь идет о процессе познания события преступления, то это форма отражения самого события преступления и оставленных им следов как реальных явлений, частей действительности, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения.

Раскрытие и расследование преступления, а также судебное рассмотрение уголовного дела представляют собой различные этапы единого познавательного процесса. На всех этих этапах познание направлено на получение необходимых знаний о событии преступления, его структуре, основных и факультативных элементах, взаимосвязях, которые существуют внутри этой структуры и которые связывают преступление и отдельные его элементы с окружающей обстановкой.

²¹ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М., 2000. С. 417.

²² Философский словарь / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1965. С. 351.

новкой.

Человечество всегда стремилось и стремится к получению новых знаний. Комплекс наиболее общих проблем, связанных с их получением, изучается теорией познания, которая традиционно занимается проблемами адекватности воспринимаемого, ощущаемого тому, что познается, а также проблемами ограничения истинного знания от ложного, иллюзорного²³.

Основным содержанием процесса криминалистического познания является отыскание, собирание, исследование и оценка информации. При этом используемые методы и средства должны обеспечивать адекватность информации, получаемой субъектами познания²⁴.

Важно иметь в виду опосредованный характер получаемой информации. Субъекты²⁵ уголовного преследова-

²³ Там же. С. 414.

²⁴ Вопрос об объекте познания остается дискуссионным. Поэтому в целях настоящего исследования представляется возможным и достаточным рассматривать объект познания как совокупность явлений и предметов, существующих независимо от человека (см., напр.: Алексеев П.В., Панин А.В. Теория познания и диалектика. М., 1991; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997. С. 63; Козлов М.С. Об общих принципах подхода к проблемам субъекта и объекта // Философия и политэкономия. Л., 1970; Копнин П.В. Диалектика, логика, наука. М., 1973; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980; Философия: Учебное пособие / Под ред. Н.И. Жукова. 4-е изд., испр. и доп. Минск, 1999. С. 213; Радугин А.А. Философия: Курс лекций. М., 1996. С. 224; Спиркин А.Г. Философия: Учебник. С. 452).

²⁵ Под субъектом познания понимается представитель общества, деятельность которого направлена на объект познания (подробнее см.: Алексеев П.В., Панин

ния (так же как и иные участники уголовного процесса) всю информацию о событии преступления, его участниках, иных обстоятельствах получают из определенных источников: следов преступления, показаний очевидцев, заключений экспертов и т. п. Затем эта информация отражается в материалах уголовного дела. Таким образом, должна быть обеспечена адекватность получения информации и адекватность отражения ее в процессуальных документах.

В процессе оценки собранной информации стержнем познания является отграничение истинного знания от ложного. Так, например, при изучении материалов уголовного дела для государственного обвинителя весьма важным является умение отграничивать правдоподобные версии от истинной модели происшедшего. При этом необходимой представляется разработка таких правил и принципов организации этой деятельности, которые бы максимально обеспечивали возможность подобного отграничения в процессе познания на различных этапах деятельности.

Являясь одним из фундаментальных разделов философии, теория познания способствует также развитию теоре-

А.В. Теория познания и диалектика; Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. С. 63; Козлов М.С. Об общих принципах подхода к проблемам субъекта и объекта; Котин П.В. Диалектика, логика, наука; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание; Философия: Учебное пособие / Под ред. Н.И. Жукова. 4-е изд., испр. и доп. С. 213; Радугин А.А. Философия: Курс лекций. С. 224; Сафонов Г.Н. Настольная книга следователя. М., 1949. С. 130; Спиркин А.Г. Философия: Учебник. С. 452).

тических разделов любой науки. Без решения этих проблем невозможно оценить качество процесса познания, невозможно судить о том, насколько полно результаты познания отражают основные особенности объекта познания, насколько верно они отражают существующие внутри и вне его закономерности, и т. п.

Теория познания есть общая теория, уясняющая саму природу познавательной деятельности человека, в какой бы области науки или практики она ни осуществлялась²⁶.

Разработка положений теории познания применительно к деятельности субъектов уголовного преследования, в том числе деятельности государственного обвинителя, в настоящее время находится в начальной стадии. Однако справедливо будет сказать, что она призвана исследовать сущность, виды, принципы, способы и методы познания, используемые в такой деятельности.

Специфика процесса познания в той или иной области науки, в той или иной отрасли деятельности человека обуславливается, прежде всего, объектом и предметом познания, а также теми условиями, в которых протекает рассматриваемый процесс.

Очевидно, что познание в процессе уголовного судопро-

²⁶ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. С. 415; Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 102; Они же. Теория познания и диалектика; Копнин П.В. Диалектика, логика, наука; Лекторский В.А. Субъект. Объект. Познание; Философия: Учебное пособие / Под ред. Н.И. Жукова. 4-е изд., испр. и доп. С. 213; Радугин А.А. Философия: Курс лекций. С. 224.

изводства, в том числе и уголовного преследования, осуществляемого государственным обвинителем, является разновидностью познавательной деятельности человека. Вместе с тем такое познание имеет целый ряд специфических черт, существенно отличающих его от познания в иных областях человеческой деятельности. Прежде всего это специфический объект познания, которым, как было отмечено, на всем протяжении уголовного процесса является преступление как объективное явление окружающего мира в целом, отдельные его элементы, а также те криминалистически значимые связи, которые существуют внутри и вне его.

Кроме того, тесно связанным с первым, но все же достаточно самостоятельным объектом познания в рамках уголовного преследования является сам процесс познания события преступления как системного объекта. Для принятия законного и обоснованного решения по делу важны не только сведения о событии преступления, но и информация о том, как эти сведения были получены, кем, из каких источников и т. д., иными словами, являются ли собранные доказательства допустимыми.

Объем и содержание познания второго объекта более существенно различаются на досудебных и судебных стадиях. Его исследование, оценка полученных результатов и т. п. должны быть важными составляющими процесса познания, осуществляемого государственным обвинителем. Необходимость такого исследования для прокурора и суда очевидна,

поскольку без оценки процесса и результатов познания события преступления на различных этапах досудебных стадий невозможно принятие обоснованных и законных процессуальных решений. Вместе с тем следует подчеркнуть значимость также оценки результатов собственной познавательной деятельности.

Тесная взаимосвязь и взаимозависимость этих двух объектов позволяют говорить о наличии двуединого объекта познания.

Наличие такого единого объекта познания обуславливает возможность и целесообразность говорить о существовании единых (общих) закономерностей исследования указанного выше объекта. При этом необходимо, прежде всего, изучать общие закономерности исследования события преступления в целях создания теоретических основ деятельности субъектов по исследованию события преступления на различных этапах и стадиях уголовного судопроизводства.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством основное назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения его прав и свобод. Без всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств произошедшего принятие законного и обоснованного решения по делу, а также обеспечение прав и законных интересов

всех участников процесса невозможны. Надлежащее исследование события преступления, в свою очередь, может быть обеспечено только на основе научного подхода к процессу познания в целом, а также отдельным его стадиям и этапам.

В процессе уголовного преследования специфичен и субъект познания, которым может быть только лицо, наделенное законом соответствующими полномочиями. В отличие от процесса познания в иных областях науки любой другой человек не может быть субъектом познания на том лишь основании, что ему интересен объект познания.

Осуществление познания субъектами уголовного преследования обусловлено не только наличием у лица определенной должности в соответствующем органе, но и наделением данного субъекта определенными полномочиями на осуществление такой деятельности по конкретному уголовному делу при условии отсутствия обстоятельств, исключающих его участие в деле. Например, помощнику или заместителю прокурора должно быть поручено поддержание государственного обвинения в суде по конкретному уголовному делу.

Проблемным представляется определение момента, с которого прокурор включается в процесс познания рассматриваемого вида. Для досудебных стадий это может быть момент:

- получения информации о совершенном преступлении;
- получения копии постановления о возбуждении уголов-

ного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела;
– представления ему уголовного дела для утверждения обвинительного заключения (акта).

Что же касается судебных стадий, то, по-видимому, это момент принятия им решения об участии в судебном разбирательстве в качестве государственного обвинителя (в отличие от момента включения в уголовное преследование в процессуальном смысле).

Вопрос о законности и целесообразности объединения у одного субъекта функций надзора и государственного обвинения в современной литературе является дискуссионным.²⁷ Изменения процессуального законодательства приво-

²⁷ Ароцкер Л.Е., Баев О.Я., Воробьев Г.А., Нисенбаев Г.С. Поддержание государственного обвинения в суде. М.: Юридическая литература, 1970; Басков В.И. Прокурор в суде первой инстанции. М.: Юридическая литература, 1968; Он же. Прокурорский надзор. М.; 1996; Он же. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986; Он же. Курс прокурорского надзора: Учебник для вузов. М., 1998; Даев В.Г., Маршунов М.Н. Основы теории прокурорского надзора. Л., 1990; Дворянский А.М., Костаков А.А., Рохлин В.И., Сопраньков Г.А., Стуканов А.П. Организация и методика работы прокурора в судебных стадиях уголовного судопроизводства: Учебное пособие / Под ред. проф. В.И. Рохлина. СПб., 1996; Добровольская Т.Н. Изменение обвинения в судебных стадиях советского уголовного процесса. М., 1977; Кириллова Н.П. Прокурорский надзор: Учебное пособие. СПб., 2005; Корневский Ю.В. Государственное обвинение в условиях судебной реформы (процессуальный, тактический и нравственный аспекты): Методическое пособие. М., 1994; Корсаков К.А. Криминалистические и процессуальные проблемы подготовки прокурора к судебному разбирательству уголовного дела: Автореф. дис... канд. юрид. наук. СПб., 2000; Сидоренко Е.В. Правовые проблемы определения роли и процессуального положения прокурора в судебном рас-

дят в настоящее время к сокращению надзорных полномочий прокурора. Глубокий анализ всех аспектов указанной проблемы выходит за рамки, очерченные в данном исследовании. Тем не менее считаем необходимым отметить, что более обоснованным представляется мнение о том, что такое объединение не является противозаконным, поскольку и при осуществлении надзорных полномочий, и при поддержании государственного обвинения следует исходить из требований закона и использовать те возможности, которые закон предоставляет. С точки зрения процесса познания такое объединение хотя бы частично представляется не только возможным, но и полезным, поскольку позволяет более глубоко и последовательно изучать и само событие преступления, и процесс его познания на досудебных стадиях. Определенные возможности для прокурора сохранены и в соответствии с действующим законодательством, поскольку прокурор в ходе досудебного производства по уголовному делу уполномочен в том числе участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей либо об отмене или изменении данной меры пресечения, а также при рассмотрении ходатайств о производстве иных процессуальных действий, которые допуска-

смотрении уголовных дел: Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2001; Прокурорский надзор в Российской Федерации / Под ред. Ю.Е. Винокурова. М., 1997; Прокурорский надзор в РФ / Под ред. А.А. Чувилева. М., 1999; Рохлин В.И. Прокурорский надзор: Курс лекций. СПб., 1998.

ются на основании судебного решения и при рассмотрении жалоб в порядке, установленном ст. 125 УПК РФ (п. 8 ст. 37 УПК РФ). Тем самым обеспечиваются более эффективное осуществление уголовного преследования, защита прав и законных интересов граждан, интересов общества и государства.

Кроме объекта и субъекта познания законодательно определены также условия, в которых может проходить процесс познания. Он должен проходить в определенные сроки, в строго определенных формах. Законодательно определены место предварительного расследования, подсудность и т. п. В основу принимаемых решений может быть положена только информация, полученная либо проверенная в рамках следственных или судебных действий.

Нарушение установленных правил влечет непризнание результатов познания в качестве доказательств, необходимых для принятия законного и обоснованного решения по результатам уголовного преследования, может привести к освобождению от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, а следовательно, создать условия для продолжения им своей преступной деятельности, для дальнейшего нарушения прав и законных интересов все большего числа граждан, для увеличения вреда, наносимого интересам общества и государства. Иными словами, привести к результатам, диаметрально противоположным целям и задачам уголовного судопроизводства.

Специфика процесса познания в уголовном судопроизводстве (включая уголовное преследование) обусловлена также тем, что он преимущественно обращен в прошлое. Субъекты, осуществляющие уголовное преследование, не имеют возможности непосредственно наблюдать за тем, как формируется преступный замысел, как идет подготовка к совершению преступления, избираются способ, орудия, место и время его совершения. Они также не могут непосредственно исследовать и процесс совершения преступления. В отдельных случаях имеется только возможность (и то, как правило, на досудебных стадиях уголовного процесса) наблюдать наступление и развитие последствий совершенного преступления. Обычно же возможно исследовать только те следы (в широком смысле слова), которые преступление оставило в окружающей обстановке.

Подчеркивая, что познание носит преимущественно ретроспективный характер, мы имеем в виду то, что при осуществлении уголовного преследования большую роль играет и реализация прогностической функции познания. Поскольку версии должны не только объединять и объяснять уже известные факты, но и быть нацеленными на отыскание неизвестной информации, принято говорить о перспективных версиях в криминалистике.

Характерным для познания в судебных стадиях уголовного судопроизводства является увеличение его ретроспективной составляющей по сравнению с досудебными стадия-

ми, а также то, что лишь незначительное количество следов, источников информации может быть исследовано непосредственно (в процессе осмотра вещественных доказательств, допроса процессуальных лиц и т. п.). Значительный объем доказательственной информации, как правило, представлен лишь в процессуальных документах. Этим обусловлены дополнительные особенности процесса познания на указанных стадиях.

Эти и некоторые другие особенности следует относить к категории особенностей криминалистического познания общего порядка, характерных для всех стадий и этапов уголовного преследования. Без глубокого анализа этих проблем невозможно оценить качество процесса познания, невозможно судить о том, насколько полно результаты познания отражают основные особенности объекта познания, насколько верно они отражают существующие внутри и вне его закономерности и т. п.

Разработка основных положений теории познания в криминалистике имеет большое теоретическое и практическое значение. С одной стороны, она призвана создать теоретическую базу для разработки новых и совершенствования уже существующих методов и методик исследования события происшествия.

С другой стороны, она обеспечивает возможность и целесообразность их использования на практике, доказывая познаваемость события преступления, адекватность его отра-

жения в сознании субъектов познания, а соответственно, и в материалах уголовного дела и т. д.

Событие преступления традиционно является одним из объектов, изучаемых криминалистикой. Закономерности преступления интересуют науку не сами по себе, а как объект познания субъектами соответствующей деятельности. При этом специфика процесса познания в уголовном судопроизводстве на различных этапах внутри одной стадии и на разных стадиях связана еще и с тем, что основная задача одних субъектов – исследовать объективную реальность, т. е. только само событие преступления, а других – еще и реальность исследования, т. е. деятельность первых по исследованию этого события. Как говорят философы, одни люди добывают знания, а другие – знания о знаниях²⁸.

Следователь или лицо, производящее дознание, прежде всего изучают объективную реальность – событие конкретного преступления или серии взаимосвязанных преступлений. Государственный обвинитель в пределах своей компетенции, а также исходя из целей и задач своей деятельности, должен познавать не только само событие преступления как явление объективной реальности, но и основные характеристики процесса познания следователя (дознавателя). В противном случае невозможно сделать вывод о том, насколько правильно и всесторонне исследовано событие преступления на досудебных стадиях уголовного судопроизводства,

²⁸ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. С. 416.

насколько адекватно отражены результаты этого познания в материалах уголовного дела и, что самое главное, насколько суд и прокурор могут опираться в своих выводах на результаты предварительного расследования, насколько собранные доказательства отвечают требованиям относимости и допустимости.

Таким образом, закономерности, принципы и правила, в соответствии с которыми осуществляется процесс познания в уголовном судопроизводстве, представляют интерес не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Государственный обвинитель, как было подчеркнуто выше, должен уметь не только самостоятельно познать событие преступления в том объеме, который необходим для достижения стоящих перед ним целей, но и оценить содержание и результаты деятельности по расследованию этого преступления. Не имея представления о тех общих закономерностях, которые определяют содержание процесса познания человека, а также тех частных закономерностях, которые обуславливают содержание процесса познания в ходе уголовного преследования, ни он, ни суд в дальнейшем не смогут оценить собранную по делу информацию. В конечном итоге это может сказаться на качестве судебного разбирательства и на принятии законного решения по делу.

Для того чтобы обеспечить достижение стоящих перед ней общих целей, теория познания в криминалистике должна учитывать и общие закономерности познания человеком

того или иного объекта, и специфические черты, которыми обладает процесс познания в уголовном судопроизводстве в целом, а также в зависимости от стадии уголовного процесса, особенностей процессуального положения субъектов познания и иных факторов.

Несомненно, познание на досудебных стадиях уголовного судопроизводства имеет свои отличительные черты. Исследование события, обладающего чертами преступления, решение вопроса о преступности или неправомерности деяния, о наличии либо отсутствии поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, выдвижение версий о личности виновного, его розыск и изобличение, собирание, исследование и оценка доказательств, формулирование окончательных выводов о структуре и характере преступления – вот те основные вехи, которые проходит познание в процессе расследования преступления. Поскольку криминалистика многие десятилетия занималась исследованием проблем, составляющих ее предмет, применительно к стадии предварительного расследования, то на сегодняшний день уровень его изучения значительно выше, чем криминалистических проблем, возникающих на иных стадиях, и в первую очередь судебных.

Известно, что выводы предварительного расследования имеют огромное самостоятельное значение, однако окончательное решение все же принимается судом. В судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу под-

лежат непосредственному исследованию (за исключением случаев постановления приговора без проведения судебного разбирательства). Иными словами, участники судебного разбирательства также в определенной мере участвуют в изучении события с признаками преступления, а также всей той информации, которая содержится в материалах уголовного дела. Познание в суде проходит в иных процессуальных условиях, нежели в процессе предварительного расследования. Этим обусловлены наличие и характер частных особенностей процесса познания на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, важными для криминалистики являются разработка и предложение науке и практике таких научно обоснованных рекомендаций, которые, отражая общие закономерности процесса познания и частные закономерности такого познания в процессе уголовного преследования, позволили бы избирать наиболее эффективные и целесообразные способы и приемы организации деятельности в соответствии с ее целями и задачами.

Субъектом познания всегда является человек. Однако, как уже подчеркивалось, цели, преследуемые субъектом познания в уголовном судопроизводстве, а также его полномочия по исследованию обстоятельств дела всегда обусловлены процессуальным положением этого субъекта. Общим является то, что познание может осуществляться субъектами непосредственно и опосредованно.

Субъекты уголовного преследования и суд должны непосредственно в процессе собственного познания проникнуть в суть события конкретного преступления (или серии преступлений) для исследования его (или их) как системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов в целях установления виновного, привлечения его к уголовной ответственности, назначения справедливого и соразмерного наказания. Только в таком случае в полной мере будут обеспечены защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

Познание отдельных элементов события преступления может быть и опосредованным, когда в процессе исследования происшедшего события субъектом уголовного преследования используются не только результаты собственного познания, но и те результаты, которые получены иными субъектами с использованием достижений в иных отраслях человеческого знания, специальных познаний в той или иной области науки, техники или ремесла.

Кроме того, познание субъектов уголовного преследования существенно отличается от познания других участников уголовного судопроизводства (стороны защиты, суда) не только по формам, но и по содержанию. Объем и содержание процесса познания субъектов, представляющих сторону защиты, ограничены интересами подзащитного, поэто-

му и весь процесс познания должен быть ориентирован на отыскание, собирание и исследование информации, которая оправдывает подзащитного либо позволяет уменьшить степень его ответственности.

Познание субъектов уголовного преследования должно быть направлено на получение достоверной информации, позволяющей составить адекватную картину происшедшего и сделать законные и обоснованные выводы по делу, сформулировать и поддерживать обвинение только действительно виновного в совершении преступления лица.

Определив содержание объекта и особенности субъектов познания, специфику условий, в которых процесс познания протекает в уголовном судопроизводстве, опираясь на уже достаточно хорошо разработанные в криминалистике теорию криминалистической идентификации, учения о версиях, об организации и планировании расследования, а также на другие частные теории и учения, теория познания в криминалистике может эффективно исследовать природу человеческого познания, формы и закономерности перехода от поверхностного представления о вещах (мнения) к постижению их сущности (истинного знания), пути достижения истины, ее критерии в специфической области человеческой деятельности – познании в ходе уголовного преследования.

Одной из важных проблем является исследование того, как и почему субъект познания впадает в заблуждения, а также каким образом может быть обеспечена возможность

их преодоления²⁹. Не всегда процесс познания в уголовном судопроизводстве идет от неполного знания, через получение необходимых дополнительных знаний к формированию целостного представления о событии преступления и получению иных знаний, необходимых для принятия законного и обоснованного решения по делу.

Как известно, познание одного и того же объекта в зависимости от стоящих перед субъектом целей предполагает различные уровни проникновения в сущность познаваемого явления.

В уголовном преследовании по конкретному уголовному делу не ставится задача познать все таинство мира. Перед участниками уголовного преследования стоит более простая задача: познание основных элементов объективной реальности, составляющих систему события преступления, а также существующих внутри- и внешнеструктурных связей и закономерностей, необходимых для принятия окончательных решений по делу. Иными словами, познание события преступления должно осуществляться, исходя из положений, определяющих предмет и пределы доказывания.

Информация об объекте познания даже в процессе непосредственного его исследования прежде, чем превратиться в знание, проходит через призму органов чувств субъекта.

²⁹ О причинах ошибок в свидетельских показаниях см., напр.: Гаврилова Н.И. Ошибки в свидетельских показаниях. (Происхождение, выявление, устранение). Методическое пособие. М. 1983; Соловьев А.Б. Допрос свидетеля и потерпевшего. М., 1974. С. 80–87.

Следователь или лицо, производящее дознание, сначала воспринимают следы преступления, оставленные в окружающей действительности, затем отражают их в своей памяти и в материалах дела. Полученные знания используются для выдвижения версий, определения направлений расследования и принятия иных тактических решений. Если же речь идет об опосредованном познании, то субъектом воспринимаются знания, полученные в результате познания объекта или его составляющих другим субъектом через призму его органов чувств.

Прокурор, осуществляющий поддержание государственного обвинения в суде, может и сам воспринимать часть информации о преступлении, содержащуюся в документах или вещественных доказательствах. Но основной объем информации он получает уже после преломления ее через сознание других людей (следователя, эксперта, свидетеля, потерпевшего и т. п.). Таким образом, мы имеем дело уже с информацией, как минимум дважды преломленной через субъективное.

Философия исходит из того, что основой всякого знания является опыт в самом широком смысле этого слова, поэтому виды человеческого познания различаются в первую очередь в зависимости от того, на опыте какого характера они основаны³⁰.

Часто при осуществлении уголовного преследования

³⁰ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М., 1999. С. 436.

субъекты познания вынуждены руководствоваться своим жизненным и профессиональным опытом, что представляет явно недостаточным. С сожалением приходится констатировать появление все новых объектов и предметов преступного посягательства, новых способов реализации преступного замысла, новых орудий преступления и т. д. Таким образом, в ходе судебного разбирательства по уголовным делам не всегда сохраняется возможность обратиться к собственному опыту, пусть даже и очень богатому.

Теория познания события преступления в криминалистике призвана на основе теоретического осмысления результатов судебно-следственной практики, а также научно обоснованных суждений о возможных направлениях изменений в содержании и структуре преступлений предлагать субъектам познания, в том числе и субъектам уголовного преследования, уже обобщенный опыт, который может быть ими использован в практической деятельности.

Следует, кроме того, отличать «пассивное» знание от знания «авторского»³¹. В процессе непосредственного познания события преступления государственный обвинитель, несомненно, может обладать лишь «пассивным» знанием. Это не означает, что такого рода знанием следует пренебрегать. Суть приведенного утверждения сводится к осознанию необходимости стремиться получить знания из того источника, который располагает «авторским» знанием – от винов-

³¹ Там же. С.437.

ного (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого). Проверенное и признанное достоверным, оно, несомненно, будет более полным, чем любое пассивное знание.

Однако это не означает, что признание виновного нами рассматривается в качестве основного доказательства, не требующего какого-либо подтверждения. Вполне очевидно, что это не так. Но при условии получения правдивых показаний виновного и проведения соответствующей их проверки в установленных уголовно-процессуальным законом рамках мы имеем возможность получить более детальную модель происшедшего.

В философии принято выделять такие виды познания, как житейское (или обыденное), научное, практическое и художественное. Житейское основывается, прежде всего, на наблюдении и смекалке, носит эмпирический характер. Как правило, житейские знания сводятся к констатации фактов и их описанию. Научное познание предполагает объяснение фактов. Оно отвечает не только на вопрос, как протекает событие, но и почему оно так протекает. Сущность научного знания заключается в понимании действительности в ее прошлом, настоящем и будущем, в достоверном обобщении фактов, в том, что за случайным оно находит необходимое, закономерное, за единичным – общее и на этой основе осуществляет предвидение различных явлений³².

Процесс познания в ходе уголовного преследования соче-

³² Там же. С. 438–448.

тает в себе черты обоих рассмотренных видов с обязательным существенным преобладанием элементов научного познания и носит по своей сути творческий характер.

Познание государственного обвинителя не является и не может являться исключительно научным. Поскольку цель научного познания – открытие и исследование закономерностей событий и явлений, то собственно о научном познании можно говорить только применительно к криминалистике как науке.

В отношении деятельности по осуществлению уголовного преследования речь должна идти о творческом использовании научных знаний в практической деятельности. Таким образом, справедливо говорить о практическом познании, которое имеет своей целью создание нового на основе уже известных, исследованных закономерностей и зафиксированных принципов.

Большое значение в деятельности государственного обвинителя имеет и сочетание практического познания с элементами художественного, сущность которого состоит в целостном, а не расчлененном, отображении тех или иных явлений и событий. Не отрицая значения исследования отдельных элементов события преступления, отметим, что в сознании субъектов познания, в процессуальных документах и, особенно, в том документе, который содержит окончательные процессуальные выводы, должна содержаться, по возможности, целостная модель происшествия.

Только при таком условии принимаемые решения будут законными и обоснованными, только в таком случае будет обеспечена максимальная наглядность соответствия результата познания объективной реальности.

Познание в деятельности государственного обвинителя предполагает не только сознательное отношение его к объекту познания (к событию преступления и информации о нем), но и к самому себе, к своей деятельности, к условиям, приемам, нормам и методам этой деятельности, а также к оценке полученных результатов. В связи с этим необходимо рассмотреть проблему истины в уголовном судопроизводстве.

Обычно истину определяют как адекватную информацию об объекте, получаемую посредством его чувственного или интеллектуального постижения либо сообщения о нем и характеризующую с точки зрения ее достоверности³³.

Таким образом, истина в уголовном судопроизводстве есть совокупность адекватной информации о преступлении и иных обстоятельствах, имеющих значение для дела, получаемая посредством совокупного постижения чувственного и интеллектуального, а также посредством получения сообщений о нем из различных предусмотренных законом источников.

На пути к постижению такой истины неизбежны более или менее существенные заблуждения, которые представля-

³³ См., напр.: Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М., 1999. С. 460; Алексеев П.В., Панин А.В. Философия: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. С. 119. и др.

ют собой содержание сознания, не соответствующее реальности, но принимаемое за истину. На первоначальном этапе расследования традиционно отмечается дефицит информации. Тем не менее и на этом этапе субъект познания должен определять направления своей криминалистической деятельности, выполнять свои функции в части познания события преступления. Принятие сложных, многовариантных решений в условиях явного дефицита информации и создаст благоприятную почву для заблуждений.

Сложность познания в деятельности государственного обвинителя обусловлена в первую очередь тем, что объект познания находится в прошлом и не может быть воспроизведен в полном объеме в настоящем времени. Кроме того, качество приобретаемых знаний о событии преступления определяется доступностью источников информации, а также самим содержанием такой информации, полнотой и достоверностью отражения ее в материалах уголовного дела. Иногда субъектам познания просто бывают неизвестны источники наиболее полной информации, иногда информация о них приходит после того, как те или иные решения приняты. Известны также случаи добросовестного заблуждения при восприятии, запоминании или воспроизведении информации свидетелями, потерпевшими, подозреваемыми, обвиняемыми или подсудимыми.

Поскольку глубина исследования того или иного объекта, в том числе и события преступления, ограничена уровнем

развития науки в соответствующей области, следует иметь в виду и возможность заблуждения лица, чьи специальные познания используются в процессе исследования происшедшего события и его элементов.

Заблуждения могут быть выявлены и устранены в процессе дальнейшего познания. Вовремя не устраненные заблуждения приводят к следственным и судебным ошибкам.

Заблуждения следует отличать от лжи. Ложь – это искажение информации о действительности, имеющее целью ввести кого-либо в обман. Ложью в уголовном судопроизводстве может быть как измышление того, чего не было, так и сокрытие информации, отражающей истинное положение дел. И тот и другой виды лжи одинаково опасны, поскольку ведут к формированию искаженного представления о происшедшем, мешают установлению истины по делу, что, в конечном счете, влечет за собой нарушение прав и законных интересов граждан, общества и государства.

Когда мы говорим об установлении истины, то имеем в виду относительную, а не абсолютную истину. Истина, устанавливаемая в процессе уголовного преследования, относительна, ибо она отражает событие преступления не полностью, не целиком, не исчерпывающим образом, а в известных пределах. Это не противоречит возможности существования абсолютно достоверных знаний о событии преступления, к получению которых должны стремиться все субъекты уголовного преследования.

§ 3. Принципы и методы познания в уголовном судопроизводстве

Для того чтобы обеспечить достижение своих целей, процесс познания в уголовном судопроизводстве должен проходить в соответствии с целым рядом принципов и правил.

Основными для процесса познания при осуществлении уголовного преследования являются принципы: законности, научности, динамичности, конкретности, преемственности, наглядности. Первые четыре из названных принципов достаточно хорошо исследованы в науке.³⁴ Поэтому представляется целесообразным остановиться лишь на тех наиболее общих моментах, которые имеют значение в контексте настоящего исследования.

³⁴ Возгрин И.А., Иванов И.И., Кузьминых К.С. и др. Криминалистика. Схемы и терминология: Учебное пособие. Серия «Учебники для вузов, специальная литература» / Под ред. И.А. Возгриной, В.П. Сотникова. СПб., 2000; Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск, 1985; Он же. Проблемы теории и практики криминалистической методики расследования преступлений: Дис... докт. юрид. наук. М., 1988; Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: Дис... докт. юрид. наук. Харьков, 1967; Селиванов Н.А. Сущность методики расследования и ее принципы // Социалистическая законность. 1976. № 5. С. 61–64; Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Социалистическая законность. 1938. № 1. С. 42–56; Быков В.М. Принципы уголовного процесса по Конституции Российской Федерации // Российская юстиция. 1994. № 8; Lupinskaya P.A. Уголовный процесс: Учебник для вузов. М., 1995.

Принцип законности не требует, по нашему мнению, детального рассмотрения. Прежде всего это один из основных принципов уголовного судопроизводства, указанный в качестве такового в законе (ст. 7 УПК РФ).

Следует помнить, что в уголовном преследовании, в том числе и в судебных стадиях процесса, не могут участвовать субъекты, а также использоваться приемы, способы или формы, участие или использование которых не предусмотрены законом, прямо запрещены либо противоречат его основным положениям и логике.

При этом закон понимается достаточно широко. Это прежде всего: Конституция Российской Федерации, которая закрепляет основные права и свободы граждан, а также содержит основные положения, регламентирующие организацию и деятельность всех органов и учреждений государства (в том числе правоохранительных органов и суда); уголовное законодательство, определяющее преступность или неправомерность деяния, уголовно-правовую структуру преступления, общие и частные признаки преступных деяний определенных видов и групп; уголовно-процессуальное законодательство, о значении которого для процесса криминалистического познания было сказано ранее; иное федеральное законодательство, регламентирующее полномочия отдельных субъектов уголовного преследования, иные вопросы: Законы РФ «О прокуратуре РФ», «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.

Представляется, что иные принципы уголовного судопроизводства, такие как принципы уважения чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности и другие (ст. 7-19 УПК РФ), могут рассматриваться как более частные по отношению к принципу законности, развивающие его и конкретизирующие в уголовном судопроизводстве. Только при условии соблюдения принципа законности в таком широком толковании (с включением принципов уголовного судопроизводства, перечисленных ст. 7-19 УПК РФ) можно говорить об успешности процесса познания, законности уголовного преследования в целом и в судебных стадиях процесса, законности и обоснованности принятых решений.

Одним из проявлений принципа законности является реализация принципа состязательности. Отсутствие реальной состязательности также является нарушением принципа законности уголовного преследования. Подлинная же состязательность для субъектов уголовного преследования невозможна без содержательного, эффективного процесса познания. Отсутствие необходимых знаний не позволит государственному обвинителю успешно осуществлять свою деятельность, состязаясь со стороной защиты, отстаивая свою позицию по основным вопросам, подлежащим разрешению в суде. Пассивность прокурора в ходе судебного разбирательства может привести к фактическому отсутствию состязательности сторон.

Не менее важным является принцип научности познания. Как и в любой другой области человеческого знания, человеческой деятельности, участие государственного обвинителя в рассмотрении уголовного дела судом, в исследовании события преступления и процесса его познания в ходе уголовного преследования в досудебных стадиях должно осуществляться на строго научной основе. Конечно, возможности познания всегда ограничены уровнем развития науки, но имеющийся уровень должен быть использован в том объеме, который необходим для получения правильного понимания произошедшего, для принятия законных и обоснованных решений.

Если говорить о криминалистике, то познание в ходе поддержания государственного обвинения должно опираться и использовать результаты исследований в области общей теории, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики. Некоторые из криминалистических теорий и учений уже достаточно хорошо разработаны (криминалистическая теория идентификации, учение о версии) и могут быть использованы как на досудебных, так и в судебных стадиях. Другие, будучи детально разработаны применительно к раскрытию и расследованию преступлений, нуждаются в переосмыслении и переработке применительно к деятельности субъектов уголовного преследования в судебных стадиях уголовного судопроизводства (учение об организации и планировании деятель-

ности следователя, учение о взаимодействии следователя с иными участниками уголовного процесса и т. д.). Но и те, и другие могут составлять основу научного представления субъектов уголовного преследования об организации криминалистической деятельности, определяемой исходя из стоящих перед ними целей и задач.

Процесс познания в ходе поддержания государственного обвинения всегда динамичен. Его существенной особенностью является постоянное изменение объема и содержания информации о происшедшем, его отдельных составляющих. Появление новой информации, изменение ранее известной не могут не оказывать влияния на весь ход познавательного процесса. Однако такое проявление динамичности носит часто хаотичный характер. Рассматривая динамичность в качестве принципа познания, мы исходим из того, что процесс познания должен быть организован таким образом, чтобы обеспечивать не только возможность учета динамичности исследования, но и необходимость организации деятельности, направленной на познание именно динамично меняющейся информации.

Реализация данного принципа в процессе поддержания государственного обвинения выражается еще и в том, что часто весьма динамичен круг субъектов, вовлеченных в уголовное судопроизводство. Нередко стороной защиты заявляются ходатайства о вызове в суд и допросе новых свидетелей (не допрошенных ранее), о приобщении к материалам уго-

ловного дела новых документов (которые были предметом исследования в процессе предварительного расследования), а также документов, содержащих мнения специалистов в той или иной области науки, техники или ремесла и т. д.

Динамичность процесса обусловлена также тем, что достаточно широк круг субъектов, которые могут принимать участие в ходе судебного разбирательства. Имеются в виду такие участники уголовного судопроизводства, как потерпевшие и гражданские истцы, их законные представители и представители, частные обвинители, а также защитники, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, гражданские ответчики. С учетом же того, что подсудимых по одному уголовному делу может быть до нескольких десятков, что в результате становится достаточно многочисленной группа защитников, что все чаще государственное обвинение поддерживает группа прокуроров, динамичность повышается еще более значительно.

Включение каждого из названных выше субъектов предполагает весьма серьезное изменение ситуации, складывающейся по уголовному делу. Учитывая, что позиция каждого лица, участвующего в исследовании события преступления и рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции, может еще и весьма существенно меняться, особое значение приобретает умение государственного обвинителя не только реагировать на постоянно меняющиеся обстоятельства, но и прогнозировать динамику развития этого процесса по ос-

новным направлениям.

Следующий принцип организации и деятельности государственного обвинителя, который представляется целесообразным рассмотреть, – принцип конкретности. Конкретность истины один из основных принципов диалектического подхода к познанию любых объектов. Конкретность – это свойство истины, основанное на знании реальных связей, взаимодействия всех сторон объекта, главных, существенных свойств, тенденций его развития. Истинность или ложность тех или иных утверждений не может быть установлена, если неизвестны условия места, времени и т. д., в которых они сформулированы. Суждение, верно отражающее объект в данных условиях, становится ложным по отношению к тому же объекту в иных обстоятельствах³⁵.

Конкретность познания государственного обвинителя также проявляется в двух плоскостях: применительно к исследованию события преступления и самого процесса познания, прежде всего в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Очевидно, что любое преступление не может быть совершено вне времени и пространства, при отсутствии субъекта и объекта посягательства и т. д. Однако следует рассматривать конкретность отдельного преступления, вида или ро-

³⁵ Спиркин А.Г. Философия: Учебник. М., 1999. С. 468.; Философия. Часть вторая: Основные проблемы философии / Под ред. проф. В.И. Кириллова. М., 1997.

да преступных посягательств и преступления как явления объективной реальности. Различные степени конкретности имеются и у процесса познания. Применительно к преступлению как явлению объективной реальности конкретность познания ограничивается исследованием закономерностей его возникновения, существования, развития и прекращения (пресечения). Изучением такого рода конкретности преступления призвана заниматься наука криминалистика. Это уровень научного познания.

Исследование закономерностей построения и существования системы преступления конкретного вида, рода или категории – также научная задача, но другого уровня обобщения. В настоящее время эта задача решается в процессе разработки частных методик раскрытия и расследования преступлений.

Изучение же элементов, а также внутри- и внешнеструктурных связей конкретного преступления – задача субъектов, осуществляющих уголовное преследование по данному факту, в том числе и государственного обвинителя.

Различная степень конкретности знания может быть и на каждом из названных уровней. Очевидно, что от момента, с которого возникает обязанность осуществления уголовного преследования у государственного обвинителя, до выступления в прениях конкретность имеющейся криминалистически значимой информации варьируется в значительных пределах.

Следует также иметь в виду, что принципы динамичности и конкретности познания теснейшим образом связаны между собой. Динамичность процесса познания в деятельности государственного обвинителя обуславливает необходимость конкретности в подходе к изучению тех или иных событий, явлений и лиц. В свою очередь конкретность познания в условиях постоянно изменяющейся обстановки диктует необходимость динамичности исследования.

Важным принципом познания в уголовном судопроизводстве в целом и в деятельности государственного обвинителя является принцип преемственности знания. При этом преемственность должна быть двух видов: субъектная – при передаче информации (знания) от одного субъекта уголовного преследования другому, и процедурная – от этапа к этапу внутри стадии уголовного судопроизводства, а также от стадии к стадии.

Осуществление процесса познания в соответствии с принципом преемственности возможно, поскольку на всех стадиях уголовного судопроизводства, а следовательно, и уголовного преследования познаются событие преступления, как явление материального мира, и сочетание формы и содержания процесса его познания для достижения целей уголовного преследования.

Одновременно необходима такая организация познания при поддержании государственного обвинения, поскольку знания, полученные на каждой из предыдущих стадий, а

также на каждом из предыдущих этапов внутри одной стадии, являются базой для начала процесса познания на последующих этапах и стадиях.

Если говорить о субъектной преемственности, то очевидно, что государственный обвинитель, включающийся в процесс познания, вправе и должен самостоятельно организовать процесс своего познания в соответствии с теми полномочиями, которыми он обладает. Вместе с тем для достижения стоящих перед ним целей и решения соответствующих задач он должен оценить уровень знаний, достигнутый субъектами, участвовавшими в процессе познания до него.

Так, государственный обвинитель, готовясь принять участие в рассмотрении дела судом, обязательно изучает материалы уголовного дела, направленного в суд, оценивая характер и форму собранной по делу информации. Наиболее эффективной его деятельность будет в том случае, если он построит собственную модель происшедшего (с тем уровнем конкретизации, который позволят представленные материалы, а также имеющиеся у него теоретические и практические знания), сопоставит ее с той, которая отражена в обвинительном заключении (акте), и, основываясь на результатах сопоставления, будет формулировать свою позицию, организовывать свою деятельность, прогнозировать динамику процесса познания в суде.

Процедурная преемственность тесно связана с субъектной и означает максимально полное использование инфор-

мации, полученной в процессе уголовного преследования на последующих этапах познания и стадиях уголовного судопроизводства. Так, выводы предварительного расследования не могут быть проигнорированы государственным обвинителем, они становятся основой, базой для организации его познавательного процесса. Исследование события преступления и процесса его изучения на досудебных стадиях уголовного судопроизводства является центральной частью познавательного процесса в суде первой инстанции.

Последний из названных основных принципов познания – принцип наглядности. Реализация принципа наглядности в уголовном преследовании имеет две взаимосвязанные цели. Во-первых, продемонстрировать, что позиция обвинения, модель происшествия, созданная субъектами уголовного преследования, являются единственно верными, безоговорочно адекватными реальным обстоятельствам дела, а также доказать неправоту защиты, несостоятельность позиции обвиняемого, подсудимого и адвоката. Во-вторых, побудить суд принять законное, обоснованное собранными доказательствами решение (будь-то решение по делу в целом либо решение по конкретному вопросу, отнесенному к компетенции суда).

Прежде всего наглядной должна быть информация о событии преступления, а также о процессе познания на предыдущих этапах и стадиях.

Наглядность информации о событии преступления озна-

чает такие ее количество и качество, которые бы позволили любому субъекту уголовного преследования (и познания в целом) построить модель происшествия, адекватно отражающую событие преступления как компонент реальной действительности.

Наглядность же процесса познания предполагает такой уровень отражения хода и результатов этого процесса в материалах уголовного дела, который бы позволил демонстрировать законность и обоснованность принимаемых по делу решений (и тактических, и процессуальных), оценить законность и обоснованность сделанных выводов, прогнозировать динамику процесса познания, организовать уголовное преследование на последующих этапах внутри стадии и следующих стадиях уголовного судопроизводства, а также сформулировать собственные законные и обоснованные выводы.

При этом наглядность нами понимается достаточно широко. Имеется в виду и наглядность процессуальных документов, и наглядность, обеспеченная дополнительными средствами фиксации информации, а также иными средствами, использование которых не противоречит безусловной законности уголовного преследования.

Поскольку уголовное судопроизводство является устным и публичным, то важно не только то, что говорит государственный обвинитель, но и то, как он выражает свои мысли, в какую форму их облекает, *какие средства выбирает*, чтобы сделать свое выступление более наглядным, запоми-

нающимся. С учетом введения в практику судопроизводства участия присяжных эти вопросы приобретают еще большее значение. Прокурор должен так изложить свою точку зрения, чтобы основные положения запомнились и суду, и присяжным, были ими поняты и приняты.

Выбор и использование, т. е. определение порядка и сущности исследования, доказательств должны согласовываться с общей линией обвинения. Прокурор сначала должен четко для себя определить позицию обвинения в целом, а затем проанализировать, какие доказательства усилят желание суда (и присяжных) принять эту позицию. Важно не только то, сколько доказательств собрано, но и каковы они, как отражены в материалах уголовного дела, как представлены суду.

Поскольку процесс познания при осуществлении уголовного преследования ограничен рамками, установленными, с одной стороны, законом, а с другой – уровнем развития науки, субъекты уголовного преследования не всегда имеют возможность отыскать и использовать в процессе доказывания всю имеющуюся о событии преступления информацию. Выбор и использование, т. е. определение порядка и сущности исследования, доказательств должны быть обоснованны и наглядны.

Государственный обвинитель сначала должен оценить имеющуюся в материалах уголовного дела информацию, затем – прогнозировать динамику процесса познания и далее – проанализировать, какая информация и какими законными

способами может и должна быть исследована в суде, какая необходимая дополнительная информация и из каких источников получена, какие ходатайства и когда именно для этого должны быть заявлены, какие аргументы приведены для принятия решения судом об удовлетворении указанных ходатайств, в рамках каких судебных действий указанная информация может быть исследована судом.

В процессе поддержания государственного обвинения в суде может и должна быть использована способность человека к образному мышлению. Государственному обвинителю следует не только самому для себя создать мысленную модель происшедшего, но и активно участвовать в формировании ее адекватного отражения в материалах уголовного дела, а также в формировании такой модели у суда. Так, по делам о преступлениях против личности можно не только установить, но и подчеркнуть в своем выступлении в суде разницу в росте и весе между маленьким, слабым потерпевшим и рослым, физически хорошо развитым подсудимым. При этом усилить впечатление страха и даже безысходности загнанного в угол потерпевшего можно, используя данные о помещении, где совершалось преступление.

Выбор, исследование, использование в своем выступлении в суде определенных доказательств в том или ином порядке и в определенных границах проводятся таким образом, чтобы продемонстрировать обоснованность позиции обвинения и несостоятельность возражений защиты (уже вы-

сказанных или прогнозируемых, типичных).

Многие люди испытывают существенные затруднения в определении размеров предметов и расстояний. Это относится также и к членам суда, и к присяжным. Часто они не могут в точности представить себе величины, о которых идет речь в материалах уголовного дела (в протоколе осмотра места происшествия, протоколах допросов, иных следственных действий), о которых упоминает в своих выступлениях государственный обвинитель. Иногда это может иметь решающее значение для принятия законного и обоснованного решения, вынесения объективного, справедливого приговора.

Если же государственный обвинитель не просто будет выяснять у свидетелей, потерпевших и подсудимых какие-то конкретные данные, а с использованием рулетки, веревки и т. п. наглядно продемонстрирует те или иные размеры с использованием возможностей соответствующих средств, у суда появится реальная возможность оценить сущность и правдивость показаний допрашиваемых лиц, их адекватность реальным обстоятельствам происшествия. Все присутствующие смогут сопоставить полученную информацию с результатами других следственных и судебных действий (в первую очередь, с результатами осмотра места происшествия) и составить самостоятельное суждение о величине предметов, расстоянии и т. д.

Очевидно, что такие средства могут существенно варьироваться, в зависимости от стадии уголовного судопроизвод-

ства, однако их правильный выбор с учетом принципа наглядности представления информации существенно повысит эффективность уголовного преследования в целом.

Для досудебных стадий такие дополнительные средства фиксации, как фотосъемка, аудио- и видеозапись, рисунки, схемы и т. п., давно стали традиционными. Они часто используются в процессе фиксации хода и результатов отдельных следственных действий: осмотров различных видов, следственных экспериментов, проверок показаний на месте и т. п. Однако явно недостаточно используются их возможности для обеспечения наглядности информации в ходе судебного разбирательства. Такого рода материалы могут быть просмотрены при необходимости самим государственным обвинителем, продемонстрированы в суде. При этом все присутствующие смогут сопоставить представленную информацию с результатами других следственных и судебных действий (в первую очередь, с результатами осмотра места происшествия) и составить самостоятельное суждение о величине предметов, расстояниях и т. д.

Еще один простой и доступный способ повышения эффективности выступления государственного обвинителя в суде заключается в использовании доски и мела (флипчата и фломастеров) для иллюстрации основных положений обвинения. Это недорогой способ заставить суд и присяжных доверять прокурору.

Чаще всего доска и мел у людей ассоциируются со шко-

лой, с учителем, с получением важных и нужных знаний. Поскольку одним из свойств памяти является воспоминание, прежде всего о каких-либо приятных моментах, в памяти суда неосознанно пробудится уважение к учителям, которые, как правило, являют собой символ авторитета. Таким образом, когда государственный обвинитель использует в ходе выступлений указанные средства, чувство уважения, которое испытывают члены суда к учителю, будет экстраполировано на прокурора.

По договоренности между судом и прокуратурой доска (флипчат) может стать неотъемлемым атрибутом зала судебных заседаний (достаточно даже одной доски на несколько залов). При отсутствии возможности использования доски и мела их могут заменить большой лист бумаги и маркер (фло-мастер).

Достаточно часто при расследовании сложных многоэпизодных преступлений следователи используют разного рода схемы и таблицы³⁶. Представленные наглядно преступные схемы и структуры позволяют построить более адекватную модель происшествия по каждому из эпизодов, более обоснованно прогнозировать направления расследования, динамику процесса познания. В аналогичных целях могут быть использованы в суде и заранее подготовленные плакаты, схемы, таблицы. Однако в ходе судебного разбирательства боль-

³⁶ Достаточно подробно о возможностях использования указанных средств см.: Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: планирование, организация. М.,

шая наглядность будет обеспечена при изготовлении необходимых та блиц и схем в процессе выступления государственного обвинителя. В этом случае присутствующие (и суд в первую очередь) следят за процессом возникновения рисунка и вынужденно присоединяются к числу «создателей» именно данной модели, чтобы не упустить логики рассуждений.

Кроме того, они не боятся чего-то не понять либо что-то пропустить в рассуждениях прокурора, поскольку канва остается у них перед глазами. Этот прием может быть использован и для получения более детализированных показаний подсудимых, потерпевших или свидетелей, для наглядной демонстрации несоответствия той или иной информации иным собранным доказательствам.

Целесообразно использовать разного рода схемы и таблицы в случае рассмотрения дела в отношении нескольких подсудимых (для иллюстрации преступных связей внутри группы, степени участия каждого в совершенных преступлениях), а также дел о совершении ряда преступлений, особенно если квалификация действий каждого подсудимого требует упоминания многих статей Уголовного кодекса с указанием частей и пунктов. Во-первых, такие материалы окажут помощь самому государственному обвинителю в организации деятельности, позволят действовать более последовательно, не упуская важных правовых, процессуальных и тактико-методических моментов, а во-вторых, позволит су-

ду лучше воспринимать логику рассуждений. Особую актуальность такой подход приобретает в суде присяжных, поскольку присяжные заседатели, как правило, люди, не сведущие в юриспруденции, испытывающие определенные сложности в восприятии большого объема сложной узкоспециальной информации.

По окончании выступления следует стереть с доски все сделанные наброски, даже если они были выполнены по ходу допроса кого-либо из процессуальных лиц или в процессе исследования других доказательств. Это помешает защите использовать их во вред целям и задачам уголовного судопроизводства, для опровержения позиции обвинения, а также для выдвижения контрверсий. В этом заключается еще один положительный аспект использования именно доски и мела, поскольку изготовленные на бумаге рисунки и схемы стереть невозможно (хотя, конечно, можно убрать их и не предоставлять защите возможность ими воспользоваться).

При этом тактически грамотным будет сопровождать такие действия комментариями, из содержания которых следует, что прокурор прикладывает все силы к тому, чтобы ликвидировать саму возможность совершения преступления, ликвидировать преступную группу с ее сформированными структурой и взаимосвязями и т. п.

В настоящее время все чаще типичная позиция защиты в суде строится на том, что подсудимого заставили признать свою вину, сознаться в преступлении, которого он не совер-

шал. При этом адвокат, естественно, предлагает свою модель происшедшего в целом либо версии по отдельным элементам такой модели.

В процессе предварительного расследования, а затем и судебного следствия по тем вопросам, которые задают адвокаты и обвиняемые или подсудимые, по заявляемым ими ходатайствам, как правило, можно судить о позиции защиты в целом, прогнозировать основные положения, определять информацию (или доказательства), на которых будут основаны выводы адвокатов.

Государственные обвинители не должны пренебрегать даже абсурдными на первый взгляд доводами защиты, наоборот, их следует опровергнуть, может быть, даже еще до того, как они будут в окончательном виде сформулированы в ходе судебного разбирательства. Чтобы наглядно продемонстрировать непоследовательность или несостоятельность позиции защиты, в ходе судебного разбирательства можно на большом листе бумаги (на доске) изобразить все приведенные ею доводы (или типичные доводы, которые могут стать предметом обсуждения по инициативе стороны защиты), а затем другим цветом отметить положения, опровергнутые в ходе уголовного преследования.

Вопрос о целесообразности использования в процессе предварительного расследования манекенов и муляжей для демонстрации в хронологической последовательности механизма причинения повреждений преступником потерпевше-

му, а также наглядной демонстрации процесса протекания сложных процессов и комплексов действий решен давно. Не вызывает сомнений такая целесообразность и для судебного следствия.

Использование муляжей и манекенов обладает большей наглядностью по сравнению со схемами и рисунками, поскольку позволяет воспринимать демонстрируемое в условиях трехмерного пространства и в течение определенного промежутка времени, т. е. в условиях, максимально приближенных к тем, в которых происходило то или иное событие, часть события.

Так, если повреждения причинялись на протяжении продолжительного времени, носили характер мучений (по делам о вымогательстве, об убийствах с особой жестокостью, с корыстной целью и т. п.), это может быть продемонстрировано наглядно с помощью соответствующего манекена и муляжа использованного орудия в процессе следственных или судебных действий, обратив внимание присутствующих на количество и локализацию причиненных повреждений, на тот вред, который причинен здоровью потерпевшего, на тот промежуток времени, который требовался виновному для совершения всех действий, т. е. тот, в течение которого жертва подвергалась насилию. В таком случае адекватность выводов субъектов уголовного преследования будет продемонстрирована более наглядно.

Это не исключает в дальнейшем исследования в суде соот-

ветствующих медицинских документов или заключений судебных экспертиз, имеющихся в деле. Наоборот, своевременно и умело проведенное их исследование лишь дополнит и усилит впечатление доказанности позиции обвинения.

При наличии возможности использования двух манекенов, один из которых по своим размерам явно отличается от соответствующих характеристик потерпевшего, может быть продемонстрирована не только процедура причинения повреждений потерпевшему, но и невозможность причинения аналогичных ран при ином соотношении роста или других характеристик потерпевшего и нападавшего.

Лицу, производящему предварительное расследование, всегда полезно прогнозировать ситуации, которые могут сложиться в процессе исследования собранных им доказательств в суде. Поэтому основы обеспечения наглядности выступления государственного обвинителя должны закладываться по возможности еще в досудебных стадиях. Это одновременно будет обеспечивать и реализацию принципа преемственности уголовного преследования.

Если, например, в процессе предварительного расследования производилось предъявление для опознания таких предметов, которые обладают какими-либо необычными признаками, важно показать, что именно об этих приметах, характеристиках того или иного объекта потерпевший либо свидетель подробно рассказывают на протяжении всего следствия и именно на эти признаки было обращено внима-

ние присутствующих при предъявлении для опознания. Достаточно часто бывает очевидна невозможность представления такого объекта в суд, и тогда полезно предварительно решить вопрос об изготовлении для последующей демонстрации в суде фотографий, голограммы, видеоизображения этого предмета. Если такая возможность отсутствует (предмет утрачен, уничтожен), следует подумать о приобщении к материалам уголовного дела или хотя бы представлении в суд предмета-аналога, который также должен быть подобран заранее.

Особую важность демонстрация изображений предмета, а также предмета-аналога и обсуждение характерных признаков предмета-оригинала приобретают в том случае, когда об этих особенностях (приметах) свидетель или потерпевший мог узнать только при определенных обстоятельствах (о которых он рассказывает или которые предполагает государственный обвинитель). Например, подробно описывает какие-либо предметы, объекты, находящиеся в жилище, офисе, автомашине подсудимого, тогда как тот отрицает факт пребывания потерпевшего или свидетеля в указанном месте.

В настоящее время еще явно недостаточно используют языковые средства наглядности. Представляется, что использование в процессуальных документах и выступлениях государственного обвинителя уместных, не разрывающих деловой стиль документа (или, соответственно, выступления) эпитетов, сравнений и других средств вполне допусти-

мо.

Кроме того, полезно использовать доходчивые сравнения и метафоры, в том числе и в заключительной речи. Если прокурор сравнит версию защиты с супом, в который адвокат добавил муху, это, несомненно, запомнится присяжным и вызовет у них негативное отношение к доводам защиты. Задача государственного обвинителя в заключительной речи – сделать так, чтобы ни один присяжный не стал «есть суп», приготовленный защитой, даже после того, как оттуда «выловят муху».

Речь государственного обвинителя преследует две схожие цели. Первая – убедить суд в том, что позиция обвинения, картина происшествия, нарисованная государственным обвинителем, являются единственно верными, безоговорочно соответствующими реальным обстоятельствам дела, а также доказать неправоту защиты, несостоятельность позиции подсудимого и адвоката. Вторая цель – побудить суд и присяжных принять такое решение, которое бы устанавливало истину и было обосновано материалами дела. Поэтому ни в коем случае нельзя ссылаться на какие-либо факты, не подтвержденные доказательствами, исследованными в суде, либо на доказательства, которые не были признаны судом в качестве таковых.

Следует постоянно помнить, что люди принимают решения, основываясь не на единичных фактах, а на «общем впечатлении».

То, *как* вы говорите, не менее важно, чем то, *что* вы говорите. Во время выступлений следует выглядеть уверенно, а это будет только в том случае, если государственному обвинителю хорошо известны материалы предварительного расследования, он внимательно следил за исследованием доказательств в процессе судебного следствия, активно участвовал в этом и, самое главное, если он убежден в том, что говорит.

С присяжными следует разговаривать, используя простые слова и понятия. Вероятнее всего, вся процедура суда – нечто новое и не совсем понятное для них. Эти люди не привыкли еще к юридическим штампам, поэтому если вы не договариваете какую-либо фразу (понятную юристу и в таком усеченном виде), будьте готовы к тому, что только произнесенная часть будет воспринята и запомнится присяжными.

Форма, в которую государственный обвинитель будет облекать свои мысли, выводы, также должна быть простой. Лучше говорить простыми предложениями. Длинные предложения, в конце которых слушатели не помнят, с чего все начиналось, только раздражают и настраивают против говорящего.

Кроме того, психологам хорошо известно, что люди воспринимают идеи по одной. Если в одном предложении соединится несколько идей, возможно, они (или некоторые из них) не будут поняты. Запомнятся только начало и конец.

Приводя в речи те или иные доказательства, следует смот-

реть в глаза суду и присяжным. Это позволит следить за их реакцией. Если они кивают головами, на этом доказательстве можно остановиться подробнее либо вернуться к нему еще раз чуть позже. Эта рекомендация неизбежно предполагает и следующую – не стоит читать с листа, говорить необходимо четко и громко, чтобы всем было хорошо слышно (не приходилось напрягаться).

Человеческий голос обладает целым рядом характеристик, которые можно произвольно изменять в некотором диапазоне. Не следует забывать об этом: изменения высоты, громкости голоса, частоты и продолжительности пауз позволят избежать монотонности речи, сделают ее более яркой и интересной для слушателей, что, несомненно, положительно скажется на общем впечатлении от вашего выступления. Наиболее значимые, с точки зрения государственного обвинения, доказательства целесообразно выделять голосом и предварять паузами, даже если выступление в прениях длится не один час (и особенно в случае, когда слушатели уже немного устали).

Заранее следует продумать, какова будет продолжительность речи. Поскольку известно, что лучше всего люди запоминают то, что слышат вначале, наиболее важная часть выступления должна прозвучать в первые 10 минут. Час или два обычно бывают достаточны для изложения своей позиции. Более длинная речь редко бывает понятной.

Определяя для себя содержательную часть речи, государ-

ственному обвинителю следует помнить, что не обязательно приводить имеющиеся доказательства последовательно одно за другим. И, конечно, вовсе не следует придерживаться «чужого» порядка (изложения в обвинительном заключении, исследования доказательств в суде или так называемого традиционного порядка: показания подсудимых, потерпевших, свидетелей, иные доказательства по делу). Иногда бывает полезно суммировать показания нескольких свидетелей по делу, выводы нескольких судебных экспертиз и т. п.

Работа государственного обвинителя состоит в том, чтобы привести и изложить все доказательства в логичной последовательности, напомнить и проиллюстрировать наиболее важные моменты.

Во время выступления в прениях должен быть дан *анализ* показаний, других доказательств и результатов судебного следствия. При этом также важна наглядность в изложении информации. Весьма важным представляется показать, как эти доказательства подтверждают либо опровергают друг друга. Если одни и те же моменты подтверждают или опровергают и показания процессуальных лиц, и результаты исследования вещественных доказательств и документов, уместно дать анализ всех доказательств в совокупности для облегчения их восприятия.

Во второй части обвинительной речи обязательно следует указать на слабые места защиты. Это могут быть и ошибки в логике рассуждений, и подмена понятий, и многое дру-

гое. Если у кого-либо из свидетелей имеется мотив, чтобы солгать, полезно указать на этот мотив, уделив ему как можно больше внимания, обращаясь к бытовым, традиционным оценкам родственников, дружеских, любовных и других взаимоотношений.

Иллюстрация материалов дела, исследуемых событий общеизвестными примерами из истории, литературы также сделает речь более образной, запоминающейся. Уподобляя свидетелей историческим героям, персонажам из художественных произведений и т. п., вы помогаете понять факты и дать им правильную оценку. Важно всех участников дела представлять как живых людей, а не как предметы либо манекены. Чем ярче будут приведенные образы, тем больше вероятность, что именно такими их воспримут и запомнят суд, присяжные.

Заключительная часть речи практически так же важна, как и вступление. Следует повторить сильные моменты, подтверждающие позицию обвинения. В то же время заключительная часть не должна быть простым повторением основных моментов. В этой части необходимо постараться расставить наиболее важные акценты, подвести итог.

Важным представляется также не упустить возможность в реплике дать оценку доказательствам и основным выводам, приведенным в речи защитника. Если в речи защитника основные доказательства обвинения будут существенно искажены, нельзя отказываться от реплики, в противном случае

такой отказ может быть расценен как слабость позиции обвинения. Реплика должна быть краткой, нет смысла заново давать анализ всех собранных доказательств.

В заключение хотелось бы обратить внимание еще на один момент в выступлении государственного обвинителя в суде, и особенно в суде присяжных. Как правило, прокуроры избегают эмоций, ошибочно полагая, что использование эмоций – это то же самое, что и их проявление. Убеждение невозможно без обращения к эмоциям людей. Следует помнить, что процесс общения начинается с эмоций. Только обращаясь к эмоциям, чувствам судей и заседателей, вы сможете убедить их в том, во что верите сами.

Максимально полная реализация изложенных выше принципов невозможна без использования разработанных в современной науке методов, в первую очередь тех, которые являются общими для всех или большинства наук. Кроме того, существование определенной специфики познания субъектов уголовного преследования обуславливает и необходимость привлечения специальных методов, ориентированных на достижение целей уголовного судопроизводства.

Таким образом, представляется целесообразным методы, используемые в деятельности государственного обвинителя, разделить на две группы: общенаучные и специальные.

Основными общенаучными методами познания являются, как известно, наблюдение, эксперимент, анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование. Сущность и возмож-

ности использования указанных методов хорошо изучены, поэтому представляется возможным и целесообразным остановиться только на тех аспектах, которые актуальны, исходя из целей и задач настоящего исследования, только на тех положениях, которые отражают специфику их использования именно в уголовном преследовании.

Наблюдение представляет собой преднамеренное, планомерное восприятие, доставляющее первичный материал для исследования, осуществляемое в процессе уголовного преследования, прежде всего, с целью выявить в окружающей среде такие объекты, которые содержат информацию о событии преступления, его отдельных элементах и свойствах, а также тех причинно-следственных и пространственно-временных связях, которые существуют внутри и вне его. Вместе с тем наблюдение может быть использовано и для получения информации о ходе познания при осуществлении уголовного преследования. Метод наблюдения может быть использован как в рамках судебных действий, так и при организации деятельности государственного обвинителя, для получения информации, необходимой для принятия важных в процессуальном и тактико-методическом отношении решений.

Наблюдение может быть непосредственным (с использованием только возможностей органов чувств человека – субъекта познания) и опосредованным (с использованием технических средств и приборов). Но, в отличие от экспери-

мента, наблюдение не предполагает активного воздействия субъекта на объект познания.

В свою очередь эксперимент – это метод познания, с помощью которого событие преступления или отдельные его элементы воспроизводятся искусственно или ставятся в определенные условия, отвечающие требованиям эксперимента. Он составляет основу такого действия, как следственный эксперимент, при производстве которого воспроизводятся действия виновных и потерпевших, события, явления, процессы либо их составляющие. При этом эксперимент может быть использован и для проверки уже имеющейся информации, и для определения направлений поиска новой недостающей информации, в том числе и в случае, когда такой недостаток устанавливается в процессе судебного следствия. Особое значение в деятельности субъектов уголовного преследования, в том числе и в деятельности государственного обвинителя, имеет мысленный эксперимент, позволяющий исследовать те свойства и связи, которые не могут быть воспроизведены с необходимой степенью достоверности.

Методы анализа и синтеза хорошо известны в науке и широко используются в различных областях человеческой деятельности. В уголовном преследовании анализ необходим для вычленения и исследования отдельных объектов, образующих реальную картину происшедшего, или отдельных сторон преступления – уголовно-правового, криминалисти-

ческого и иных аспектов.

Синтез представляет собой мысленное объединение в единое целое расчлененных анализом элементов. Синтез в процессе познания необходим для соединения в единое целое тех элементов, свойств и связей, которые были выявлены и имеют важное значение для понимания происшедшего, правильной его оценки и определения дальнейших направлений деятельности.

Возможности использования метода моделирования для повышения эффективности деятельности по изучению события преступления в рамках предварительного расследования были уже предметом исследования в науке.³⁷ Сформулированные выводы являются результатом преломления возможностей мысленного моделирования к познанию специфического объекта – события преступления в специфических условиях – в процессе предварительного расследования.

Уровень разработки сущности и технологии данного метода позволяет сегодня рассматривать его возможности применительно к организации деятельности любых субъектов уголовного преследования на всех стадиях уголовного судопроизводства.

Как отмечалось ранее, процесс познания в уголовном су-

³⁷ См., напр.: Густов Г.А. Моделирование в работе следователя: Учебное пособие. Л., 1980; Лузгин КМ. Моделирование при расследовании преступлений. М., 1981 и др.

допроизводстве носит в основном ретроспективный характер. Обычно ни лицо, производящее расследование, ни прокурор не имеют возможности познавать событие преступления или отдельные его элементы, существующие внутри и внешнеструктурные связи непосредственно. Именно этим обусловлена необходимость использования метода моделирования, сущность которого заключается в том, что реальный объект познания замещается его моделью. При соблюдении условия адекватности модели реальному объекту, который она призвана заместить в процессе познания, обеспечиваются возможность и научная обоснованность использования метода. Модель должна быть познаваема с точки зрения современного уровня научного знания.

Она также должна быть достаточно конкретной, чтобы позволить познать событие определенного преступления, а не некоторую часть объективной реальности, самостоятельное существование которой в качестве системы ничем не обусловлено. Она должна обеспечивать динамичность процесса познания, т. е. возможность ее изменения с учетом получаемой в процессе познания новой информации.

Отражение в процессуальных документах самой модели происшедшего, ее значимых элементов, а также существующих взаимосвязей обеспечивает преемственность процесса познания на различных этапах внутри одной стадии и на разных стадиях уголовного судопроизводства. Наиболее подробная модель происшедшего, сформулированная на до-

судебных стадиях, содержится в обвинительном заключении (обвинительном акте) либо постановлении о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Более краткие модели содержатся в различных постановлениях лица, производящего расследование: постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, постановлении о назначении судебной экспертизы, постановлении об удовлетворении (либо отказе в удовлетворении) ходатайства подозреваемого, обвиняемого или его защитника и т. д. Однако и модель, предлагаемая государственным обвинителем, также должна быть достаточно развернутой и содержать информацию о наиболее значимых элементах как процесса совершения преступления, так и процесса его познания (результатов такого познания) в досудебных стадиях.

Окончательная модель происшедшего формулируется в приговоре суда.

При дефиците информации (особенно на первоначальных этапах уголовного преследования) модель позволяет определять направления предварительного расследования, выявлять необходимость существования еще не установленных элементов системы преступления (например, лиц, участие которых в совершении преступления было необходимо, и т. п.), а также связей, позволяющих рассматривать данное преступление и в качестве самостоятельной системы, и в качестве подсистемы более сложной системы объективной реальности.

На более поздних этапах уголовного преследования метод моделирования позволяет государственному обвинителю, основываясь на информации, содержащейся в материалах уголовного дела, построить собственную модель происшествия. Исходя из результатов исследования и проверки этой модели, он будет строить свою дальнейшую деятельность, формировать линию уголовного преследования, принимать процессуальные и тактико-методические решения.

Однако для этого целесообразно учитывать не всю имеющуюся информацию, а только ту, которая была получена на первоначальных этапах уголовного преследования. В таком случае метод позволит решить и еще одну задачу. Прокурор не будет существенно связан сформированной позицией лица, производившего предварительное расследование, поэтому, сопоставляя свою модель с той, которую построил следователь или дознаватель, государственный обвинитель может оценить правильность определенных направлений расследования, законность и обоснованность принятых следователем или дознавателем решений.

В связи с этой второй задачей для государственного обвинителя возникает вопрос о последовательности изучения материалов уголовного дела в процессе подготовки к участию в судебном его рассмотрении.³⁸ Нами выше была предложена

³⁸ Кириллова Н.П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003. С. 42–55; Она же. Процессуальные и криминалистические особенности поддержания государственного обвинения в суде первой инстанции: Учебное пособие. СПб., 1996. С. 4–16; Корсаков К.А. Тактическое значение и содержание

прямая последовательность (от постановления о возбуждении уголовного дела последовательно к обвинительному заключению).

Однако и обратная последовательность имеет свои положительные моменты. Изучив обвинительное заключение (окончательную следственную модель происшествия), государственный обвинитель также имеет возможность оценить ее состоятельность в процессе исследования и проверки – сопоставления с имеющимися в деле доказательствами. Только в этом случае прокурору сложнее будет объективно оценивать правильность выводов предварительного расследования, не увлекаясь логикой рассуждений последнего.

В качестве основных специальных методов познания, разработанных для использования в процессе познания субъектов уголовного преследования, необходимо назвать программно-целевой метод и метод комплексного подхода. Первоначально они были разработаны профессором Г.А. Густовым для использования на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, для раскрытия и расследования убийств. Однако с течением времени стала очевидной их универсальность, возможность использования в процессе уголовного преследования и на других стадиях уголовного судопроизводства.

Сущность программно-целевого метода заключается в разработке и использовании в теоретической и практической деятельности специальных криминалистических программ исследования события преступления в целом или составляющих его элементов, а также тех внутри- и внешне-структурных связей, которые могут представлять криминалистический интерес.

Использование этого метода позволяет государственному обвинителю правильно организовать свою деятельность вне зависимости от наличия и характера профессиональных знаний, умений и навыков. Основываясь на имеющейся информации, он выбирает ту или иную программу и с ее помощью определяет, насколько правильно были определены направления расследования, все ли возможные версии были выдвинуты и проверены должным образом, правильно ли определены предмет и пределы доказывания в ходе предварительного расследования, все ли необходимые доказательства собраны, подтверждают ли собранные доказательства выводы предварительного расследования, решает, какие задачи стоят перед ним в ходе судебного разбирательства, какие средства могут быть им использованы в процессе познания события преступления и связанных с ним (или его изучением) обстоятельств.

Особенности использования программно-целевого метода прокурорами, осуществляющими поддержание государственного обвинения, связаны с тем, что кроме задачи ис-

следования объектов познания они должны выполнять и задачу оценки законности и обоснованности самой деятельности по раскрытию и расследованию данного преступления, а также тех выводов, которые были сделаны в процессе указанной деятельности. Сопоставляя собранную по делу информацию (и доказательства) с вопросами (пунктами) программы, прокурор имеет возможность, кроме того, выявить пробелы расследования, определить возможность их восполнения в суде, а также наиболее эффективные пути их восполнения, т. е. выбрать соответствующие тактико-методические средства исследования события преступления в суде в целях обеспечения задач уголовного преследования и назначения уголовного судопроизводства.

Ранее, неоднократно обращаясь к событию преступления, мы рассматривали его не только как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, но и как часть реальной действительности, связанной с ней и отображающейся в ней в той или иной степени. Комплексный подход предполагает исследование события преступления не как обособленного явления, а как составной части сложной картины, включающей события, которые предшествовали преступлению, сопровождали его (во времени или в пространстве), а также последовали за ним.

В ходе уголовного преследования должно быть установлено, каким образом эти события связаны между собой, существуют ли между ними причинно-следственные или только

пространственно-временные связи. Если указанный метод был использован в досудебных стадиях, то задача государственного обвинителя существенно упрощается. При таком подходе в ходе предварительного расследования уже установлены и в той или иной степени исследованы события, которые предшествовали преступлению (предкриминальные) либо последовали за ним (посткриминальные). В обвинительном заключении лицо, производившее расследование, уже предложило модель взаимосвязей и взаимозависимостей этих событий. В таком случае государственному обвинителю, исходя из общих правил использования комплексного подхода, остается только оценить полноту и правильность сделанных выводов.

В том случае, когда в ходе предварительного расследования комплексный подход не использовался либо использовался фрагментарно и явно недостаточно, задача государственного обвинителя значительно сложнее. Из материалов уголовного дела следует постараться вычленить информацию о пред- и посткриминальных событиях, исследование которых необходимо для правильного понимания причин и последствий изучаемого преступления. Кроме того, еще в процессе подготовки к участию в судебном разбирательстве государственный обвинитель должен определить, кому может быть известна информация о таких событиях, из каких источников необходимая информация может быть получена.

В любом случае комплексный подход к познанию события

преступления позволяет выявить дополнительные возможности изучения необходимой криминалистически значимой информации.

На современном этапе имеется возможность приступить к активному использованию этих и других научных методов познания для повышения эффективности деятельности государственного обвинителя.

Глава 2

Тактика участия прокурора в судебном разбирательстве на первоначальном этапе

§ 1. Тактические аспекты деятельности прокурора в подготовительной части судебного заседания

Как известно, подготовительная часть судебного заседания носит процедурный характер и реализуется непосредственно председательствующим. Она весьма кратковременна. В соответствии со ст. 271 УПК РФ активное участие прокурора в этой части судебного заседания может выражаться в двух аспектах: 1) в заявлении и обосновании ходатайств о вызове свидетелей и специалистов, об истребовании вещественных доказательств и документов и 2) в высказывании своего мнения по поводу целесообразности удовлетворения ходатайств, заявляемых другими участниками процесса.

Ранее уже отмечалось, что в процессе подготовки к судебному разбирательству при изучении материалов уголовного дела прокурор может выявить определенные ошибки, про-

белы предварительного расследования. В связи с этим перед ним возникает задача – найти приемлемые возможности их исправления или компенсации в судебном заседании. Одним из средств решения этой задачи как раз и является заявление перед судом соответствующих ходатайств. Поэтому на основе тщательного изучения и анализа материалов дела нужно будет не только наметить конкретные ходатайства, но и продумать их точные формулировки и убедительную аргументацию.

Потребность в заявлении ходатайств может возникнуть, например, в связи с неявкой в суд потерпевшего, важного свидетеля. Еще на этапе подготовки к судебному разбирательству прокурор может прогнозировать ситуации неявки кого-либо из процессуальных лиц. Линия поведения прокурора в таком случае может быть в общих чертах определена еще на этапе подготовки, а в начале судебного заседания может быть скорректирована с учетом складывающейся в суде ситуации. В любом случае аргументы для заявляемого ходатайства должны опираться на материалы предварительно изученного уголовного дела.

Большое тактическое значение имеет положение ч. 3 ст. 271 УПК РФ о том, что если суд отказывает кому-либо в удовлетворении ходатайства, то это не ограничивает права данного лица, в том числе и обвинителя, заявить его в дальнейшем в зависимости от хода судебного разбирательства. Это положение дает возможность прокурору продолжать прово-

дить свою линию, решать поставленные тактические задачи, но, разумеется, не «из принципа» (должностного апломба), а исходя из необходимости реализации ходатайства в интересах дела.

Оценивая факт отклонения судом своего ходатайства, государственный обвинитель должен допустить, что причиной такого решения суда могла стать нечеткая, необидительная мотивировка этого ходатайства. Поэтому при повторном заявлении ходатайства мотивировку следует дать более развернутой и аргументированной. А если при этом выбрать еще и тактически наилучший момент судебного следствия – когда, например, будут исследоваться обстоятельства, с которыми ходатайство находится в очевидной связи, – то, скорее всего, оно будет удовлетворено.

Однако в вопросе о заявлении ходатайств в подготовительной части судебного заседания есть и другая, не менее важная в тактическом отношении, сторона, которая подчас недооценивается прокурорами. Речь идет об оценке государственным обвинителем ходатайств, заявляемых другими участниками процесса, и в первую очередь стороной защиты.

Поскольку функция защитника обязывает его выявлять только такие обстоятельства, которые оправдывают подсудимого или смягчают его наказание, несложно предположить, что новый свидетель, эксперт или специалист, о допросе которого в суде ходатайствует защита, будет излагать инфор-

мацию, полностью или частично оправдывающую подсудимого. При этом защитник уже знает – какую именно (иначе не заявлял бы ходатайство). Для прокурора, таким образом, ходатайство защитника о вызове в суд нового лица – сигнал к тому, что готовится тактический удар по позиции обвинения.

Иногда такие ходатайства являются абсолютной неожиданностью для государственного обвинителя, и ему придется «с ходу» ориентироваться в их оценке.

Тактическое направление такого «удара» защиты можно определить по мотивировке ходатайства, поскольку в соответствии с ч. 1 ст. 271 УПК РФ заявитель обязан указать, для установления каких именно обстоятельств необходимы дополнительные свидетели, документы и т. п.

Как известно, суд должен выяснить мнение прокурора по поводу удовлетворения ходатайств, заявленных другими участниками процесса. Чтобы не допустить ошибки в оценке таких ходатайств, в том числе и защитника, прокурору требуется всесторонне осмыслить каждое из них.

Практика свидетельствует, что не всегда ходатайства, особенно заявленные стороной защиты, действительно служат поиску истины по делу. Нередко, прикрытые внешне позитивными соображениями, они имеют деструктивные, и поэтому тщательно скрываемые цели, например: затянуть судебное следствие, сделать его максимально конфликтным, придать отдельным неточностям, оговоркам, несуществен-

ным ошибкам значение серьезных противоречий, скомпрометировать личность, а тем самым и показания субъекта – источника обвинительной информации (чаще всего – потерпевшего), стремясь неправомерно уменьшить в глазах суда степень опасности действий своего подзащитного. Так, на фоне голословного недоверия заключению эксперта защитник может заявить ходатайство о назначении повторной экспертизы в расчете на оправдывающие подсудимого выводы нового эксперта или о допросе в суде новых свидетелей по делу, скажем, об изнасиловании, которые будут отрицательно (пусть даже объективно) характеризовать моральный облик потерпевшей, «обесценивая» тем самым факт ее изнасилования.

Тактические задачи для государственного обвинителя в подобных ситуациях разнообразны. В первую очередь, оценив содержание и аргументацию заявленного ходатайства, следует решить, нет ли каких-либо иных, скрытых целей, которых надеется достичь заявитель ходатайства. И если таковые просматриваются (прежде всего, по результатам изучения материалов дела), то их нужно попытаться нейтрализовать, высказав мнение о нецелесообразности удовлетворения данного ходатайства. Обосновывать мнение следует не только критической оценкой аргументов заявителя, но и анализом тех нежелательных последствий, которые принесло бы судебному следствию удовлетворение ходатайства. Именно этим будет обеспечиваться всесторонность подхода к оценке

того или иного ходатайства.

Но при этом возникает вопрос: где и каким образом получить материал для критики ходатайства, заявленного стороной защиты. Поскольку по закону государственный обвинитель имеет право на высказывание мнения по поводу заявленных ходатайств, то, естественно, он не может быть лишен права разобратся в информации, приводимой заявителем. Иными словами, на предложение председательствующего высказать свое мнение по поводу заявленного, например защитником, ходатайства прокурор может ответить, что аргументы, приведенные заявителем, ему представляются неубедительными, в связи с чем он (прокурор) хотел бы задать заявителю несколько вопросов, связанных с ходатайством. Суду ничего не остается (чтобы самому не задавать таких вопросов), как разрешить прокурору провести этот «микродопрос». И тут уже от прокурора – его опыта, профессионализма и, в частности, тактического мастерства – зависит получение необходимого критического материала для обоснования своего мнения о нецелесообразности удовлетворения заявленного ходатайства.

Практика показывает, что вокруг ходатайств об истребовании вещественных доказательств или документов обычно особой тактической борьбы не происходит. При очевидной значимости конкретных вещественных доказательств или документов для уяснения истины по делу ходатайства об их истребовании в суд подлежат удовлетворению, кем бы они

ни заявлялись.

Однако если из материалов, изученных в процессе подготовки к участию в судебном разбирательстве, видно, что такого рода вещественные доказательства или документы имеются, прокурор должен сам заявить ходатайство об их истребовании. Этим он лишит тактического преимущества адвоката и подчеркнет свою объективность, стремление к обеспечению всесторонности и полноты исследования всех обстоятельств дела.

При невысоком уровне значимости таких доказательств и документов судьба ходатайств об их истребовании решается с учетом главным образом технических трудностей их доставки в суд. Если эти трудности невелики, то удовлетворение такого ходатайства допустимо; если же очень обременительны (в силу, например, больших габаритов или веса вещественных доказательств либо большого количества документов), то, скорее всего, удовлетворение ходатайства нецелесообразно.

Однако государственному обвинителю не следует чрезмерно увлекаться тактической борьбой с ходатайствами стороны защиты. Тому есть ряд причин.

Во-первых, не стоит растрачивать силы и тактический потенциал по мелочам, ибо значение выигрыша в рассматриваемых вопросах ничтожно по сравнению с тактической значимостью даже частных успехов при судебном исследовании доказательств.

Во-вторых, заранее трудно безошибочно предугадать, какое ходатайство окажется полезным в поиске истины, а какое – нет. Для такого предвидения просто бывает недостаточно исходной информации. Дейл Карнеги писал, что половиной своих ошибок человечество платит за то, что принимает решения при недостаточной информации.

И в-третьих. Слишком частые попытки обвинителя «задавить» ходатайства других участников процесса вряд ли будут свидетельствовать об его объективности. Если к тому же многие из этих попыток окажутся безрезультатными, то он существенно подорвет свой авторитет, причем в самом начале процесса, а это может затруднить достижение успеха в последующем, ибо чем больше суд сомневается в объективности прокурора, тем сложнее убедить его в правильности позиции обвинения, отстаиваемой государственным обвинителем в суде.

Определенные тактические проблемы возникают и при разрешении судом в подготовительной части судебного заседания вопроса о возможности (или невозможности) рассмотрения уголовного дела в случае неявки кого-либо из назначенных к участию в деле лиц (ст. 272 УПК РФ).

Рассмотрим эту проблему подробнее, так как решение суда продолжить рассмотрение дела или отложить его имеет большое тактическое значение.

Касаясь вопроса об отложении судебного разбирательства по причине неявки потерпевшего или важного свидетеля,

следует учитывать возможные негативные последствия такого решения.

Факт отложения судебного заседания может вызвать недовольство явившихся в суд свидетелей необходимостью вторично являться в суд. Заявление кого-либо из них, например, о том, что он не намерен «таскаться по этим судам», может получить аналогичный отклик в сознании других и повлечь групповую неявку на повторное заседание суда. Кроме того, заинтересованные лица могут намеренно провоцировать свидетелей обвинения на очередную неявку с целью добиться повторного срыва разбирательства.

Важно и другое. В период действия срока отложения производства по делу в жизни кого-либо из его участников могут произойти события, объективно срывающие либо их повторную явку в суд, либо явку другого, ранее являвшегося участника (командировка, болезнь). Но может произойти и худшее – гибель, смерть лица, подлежащего допросу в суде.

Названные негативные моменты являются достаточно очевидными. Вместе с тем проблема выбора лучшего решения при неявке кого-либо из участников судопроизводства имеет и более серьезные аспекты, связанные с тактической борьбой сторон в судебном процессе.

Формируя свое мнение по данному вопросу, прокурор должен иметь в виду следующее принципиальное положение: отложение судебного разбирательства по делу, как правило, невыгодно стороне обвинения и, напротив, очень вы-

годно стороне защиты, особенно при длительном сроке отложения или нескольких подряд отложениях. Это положение обуславливается целым рядом специфических обстоятельств.

Во-первых, еще раз отметим, что окончание досудебного расследования означает завершение органом расследования собирания доказательств и тем самым «консервацию» доказательственной базы обвинения. Защитник же, изучивший материалы уже завершеного расследования, по существу, может только намечать, а затем и организовать собирание оправдывающих подзащитного доказательств. И, как ни странно, находит их.

Странно потому, что обстоятельства, оправдывающие обвиняемого, если они реально имели место при совершении им преступления, непременно попали бы в орбиту досудебного расследования и стали бы предметом всестороннего исследования и объективной оценки со стороны следователя, а потом еще и прокурора. К этому следует добавить, что в ходе двухмесячного, а то и более длительного досудебного расследования преступления участвует и защитник обвиняемого, призванный отыскивать и представлять следователю оправдывающую его подзащитного информацию.

Казалось бы, ясно, что миновать стадию досудебного расследования любая оправдывающая обвиняемого информация не может. Поэтому попадать в руки защитникам после завершения досудебного расследования она может лишь в

редчайших, исключительных случаях.

Однако реальная судебная практика говорит об обратном. Почти по каждому серьезному уголовному делу оправдывающая подзащитного информация представляется стороной защиты именно в стадии судебного разбирательства по делу. Почему это происходит?

Здесь мы подходим ко второму принципиальному моменту. Взрослому населению нашей страны, а тем более юристам, хорошо известно, что в современных условиях на участников судопроизводства (потерпевших, свидетелей, реже – экспертов), дающих обвинительную информацию, почти открыто оказывается противозаконное давление со стороны заинтересованных лиц с целью побудить этих участников к изменению их прежних показаний в пользу подсудимых. Для этого используются подкуп, шантаж, угрозы насилием, а то и реальное насилие разных видов, вплоть до убийства.

Обычно такое давление начинается после того, как следователь завершил расследование, т. е. закончил по нему свою профессиональную процессуальную деятельность, одной из функций которой (при необходимости) была защита потерпевшего или свидетеля от указанного противозаконного воздействия. Зная о данной функции следователя, заинтересованные лица не спешат с реализацией своих противозаконных планов, ждут, когда следователь передаст уголовное дело прокурору для дальнейшей передачи его в суд – и их на-

меченные к воздействию лица окажутся беззащитными.

Кроме того, для успеха своей деструктивной деятельности заинтересованным лицам нужно точно знать, кого конкретно и к каким именно правдоподобным показаниям следует склонить, а такие знания можно получить лишь после тщательного изучения защитником материалов завершеного расследования.

Поэтому при разбирательстве дела в суде и происходит то, что, по замыслу стороны защиты, должно было произойти: обвинительные на стадии досудебного расследования показания потерпевшего или свидетеля вдруг, неожиданно для стороны обвинения, становятся либо частично, либо полностью оправдательными.

Суммируя приведенные аргументы, приходим к выводу: невыгодность отложения судебного разбирательства для стороны обвинения состоит в нежелательном отдалении во времени его начала, влекущем образование незапланированного промежутка свободного времени, которым сторона защиты непременно воспользуется в своих интересах, тогда как сторона обвинения – практически нет.

Отсюда и вытекает частная тактическая установка для государственного обвинителя: при неявке в суд кого-либо из указанных в законе участников судопроизводства следует по возможности избегать отложения судебного разбирательства и ходатайствовать о его продолжении с одновременным принятием срочных мер по вызову или приводу неявившегося.

Наряду с этим, нужно подготовить аргументы для возражения против весьма вероятного ходатайства стороны защиты об отложении разбирательства по делу.

§ 2. Тактические проблемы, возникающие перед прокурором в начальной стадии судебного следствия, и пути их решения

Еще на этапе подготовки к судебному разбирательству одну из важнейших задач обвинителя составляет разработка тактически наилучшей последовательности предъявления и исследования имеющихся в его распоряжении доказательств. Сложность решения этой задачи определяется необходимостью учитывать целый ряд количественных и качественных характеристик уголовного дела, подлежащего рассмотрению в суде.

К числу *количественных* характеристик обычно относят:

- 1) количество эпизодов преступной деятельности;
- 2) количество подсудимых;
- 3) количество потерпевших.

Анализируя тактическое значение названных факторов, нетрудно увидеть, что по мере возрастания количественных показателей каждого из них процедура судебного рассмотрения дела будет все более и более усложняться. Исключитель-

но трудным, и прежде всего в организационно-тактическом плане, будет рассмотрение такого дела, в котором большое число эпизодов сочетается с большим количеством подсудимых и большим количеством потерпевших.

Множество эпизодов преступной деятельности уже само по себе требует наиболее рациональной последовательности их исследования. Лучше всего (что обычно и делают) исследовать их в хронологическом, а иногда, при территориальной разбросанности преступлений, в территориально-хронологическом порядке. Если, например, на территории какой-то области преступная группа совершила за определенный период 60 различных преступлений, причем 15 из них – в районе А., 18 – в районе Б., 10 – в районе В. и 17 – в областном центре, то будет правильным спланировать судебный процесс по такому делу следующим образом: сначала преступные эпизоды группируются в отдельные блоки по территориальному признаку (конкретный район), а затем, в рамках блоков, – по хронологическому признаку.³⁹

Преимущества именно такой организации судебного процесса очевидны. Основные из них таковы: 1) анализ имеющихся доказательств, сгруппированных по эпизодам, проще представлять государственному обвинителю в суде; 2) при

³⁹ В принципе, названная группировка эпизодов – ввиду ее необычности и относительной сложности – должна быть осуществлена еще на стадии предварительного расследования и должна получить свое отражение в своеобразной (территориально-блоковой) структуре исследования эпизодов преступной деятельности группы в обвинительном заключении.

неявке кого-либо из вызванных в суд лиц нагляднее представляется возможность (либо невозможность) рассмотрения дела в его отсутствие, исходя из имеющегося по эпизоду объема доказательств; 3) более наглядным и более понятным будет представление доказательств в суде присяжных, которые могут в силу отсутствия профессионального опыта не суметь самостоятельно сгруппировать представленные доказательства.

Иногда, рассматривая многоэпизодные дела, прибегают к другому принципу группировки эпизодов – по видам преступлений. Например, сначала рассматривают все убийства, затем – все изнасилования, далее – разбои, грабежи и кражи и т. п. Если основная идея использования этого принципа группировки эпизодов состоит в привлечении внимания к уголовному процессу с самого начала (для чего процесс и планируется начать именно с эпизодов об убийствах), то этого не следует делать, ибо некоторый ошеломляющий вначале интерес к делу в дальнейшем, при рассмотрении большого числа банальных грабежей и краж, обернется своей полной противоположностью. При этом будет нарушен принцип хронологии – самый естественный и привычный способ исследования совокупности преступлений.

Вместе с тем возможны ситуации, когда какие-нибудь чрезвычайные обстоятельства потребуют внеочередного рассмотрения одного или нескольких преступлений, после чего исследование остальных эпизодов продолжается в

обычном хронологическом порядке. Причем такая необходимость может неожиданно обнаружиться в любой момент судебного разбирательства.

Например, станет известно, что эксперту, проводившему соответствующие исследования на предварительном следствии по какому-либо эпизоду, не позже чем через неделю предстоит неотложная операция, или что потерпевший и ряд свидетелей, члены команды судна, через неделю должны уйти в дальнее плавание. Такие и подобные им экстремальные обстоятельства, безусловно, требуют внеочередного рассмотрения эпизодов с участием названных лиц. Таким образом, суд сможет и свои задачи выполнить максимально полно, и не создаст препятствий этим лицам в осуществлении их служебных обязанностей.

Большое число подсудимых по делу – фактор, который сам по себе, безотносительно к числу эпизодов, влияет на характер поддержания государственного обвинения, увеличивая спектр тактических задач, возникающих перед прокурором, и усложняя их решение по сравнению с делом в отношении одного-двух подсудимых. Это влияние обуславливается более сложной структурой группы, а отсюда – большим разнообразием ролей и функций соучастников, в которых надлежит разобраться и соответствующим образом оценить.

Судя по следственно-судебной практике, количественный состав преступных групп в 10 и более человек встречается очень редко. В основном он колеблется от двух до четы-

рех-пяти человек. Вот этот количественный состав и будем иметь в виду в последующих рассуждениях о групповых делах.

Часть 1 ст. 275 УПК РФ устанавливает, что при согласии подсудимого дать показания первой его допрашивает сторона защиты. Однако это положение можно считать однозначным лишь для относительно простых ситуаций – по делам с одним подсудимым. Часть 5 этой же нормы, имея в виду более сложные ситуации, определяет, что если в уголовном деле участвует несколько подсудимых, то суд вправе по ходатайству стороны изменить порядок их допроса, установленный ч. 1 настоящей статьи.

Из приведенного текста следует, что только сторона обвинения может претендовать на первенство в допросе нескольких подсудимых, поскольку в обычных (простых) ситуациях это первенство является привилегией защиты. Государственному обвинителю, конечно же, было бы непростительным упустить возможность получить от суда столь существенное тактическое преимущество перед стороной защиты. Но чтобы получить его, нужно очень убедительно обосновать ходатайство об этом.

Если прокурор получает право первым допросить подсудимых, то очередность их допроса он в соответствии с ч. 1 ст. 274 УПК РФ определяет сам, имея в виду, что она имеет большое тактическое значение.

При прочих равных условиях судебные допросы членов

преступной группы лучше проводить в следующем порядке: сначала допросить второстепенных участников группы, затем – исполнителей и, наконец, организатора. Второстепенные участники группы, как правило, менее опытни в криминальной деятельности, чем основные, или (при известном опыте) не очень умны либо слабохарактерны, что и предопределяет их неосновную роль в группе. Поэтому они – более слабые противники версии обвинения, в сравнении с главными участниками преступления, что дает большие шансы на получение от них правдивых показаний при их допросе первыми. Важно и другое. Их менее значимая роль в совершении преступления объективно должна повлечь и меньшее наказание. Умело играя на ролевых различиях, а отсюда и на возможной разнице в наказании за содеянное, прокурор может побудить этих лиц к даче правдивых показаний.

При выборе тактически наилучшей очередности допроса подсудимых прокурор-обвинитель не застрахован от ошибок, поскольку располагает весьма скудными данными о личностных особенностях каждого из подсудимых, полученными в заочной форме – по материалам дела. В связи с этим представляется полезной следующая рекомендация.

Еще в период завершения предварительного расследования по сложному групповому делу прокурору (будущему обвинителю) могло бы очень помочь обсуждение со следователем личностных особенностей хорошо изученных им (в по-

стоянной тактической борьбе на допросах) обвиняемых и, с учетом этих особенностей, а также позиций и показаний каждого из них, совместно наметить тактически наилучшую очередность их допроса в предстоящем судебном процессе. Мало того, нужно договориться с ним о том, чтобы он применил именно эту, согласованную, очередность при анализе показаний обвиняемых в обвинительном заключении.

Данная тактическая особенность обвинительного заключения существенно поможет прокурору-обвинителю в обосновании перед судьей своего ходатайства о разрешении стороне обвинения первой провести допросы подсудимых, и к тому же в той очередности, которая имеет место в обвинительном заключении. Предложение об очередности можно усилить следующим логичным и естественным доводом: материалы рассматриваемого дела хорошо известны суду и сторонам, так как были тщательно изучены ими; поэтому нет оснований и смысла менять согласующийся с материалами дела порядок исследования в обвинительном заключении показаний обвиняемых, ныне являющихся подсудимыми. Избрание иного порядка исследования их показаний, вместо уже знакомого, ничего, кроме путаницы, не принесет.

Все чаще в судебно-следственной практике встречаются уголовные дела с большим числом потерпевших. По таким делам в качестве потерпевших может проходить не одна сотня и даже не одна тысяча человек. Иногда количество потерпевших обусловлено количеством эпизодов преступного

поведения либо количеством виновных лиц (подсудимых в суде). Возможна ситуация, когда одним преступным актом причиняется вред многим и многим потерпевшим. Для каждой из названных ситуаций существуют свои тактические особенности построения деятельности государственного обвинителя. Но во всех случаях важно правильно выстроить свои взаимоотношения с потерпевшими, чтобы они, также представляя сторону обвинения, способствовали установлению истины в процессе, а не затягивали его (процесс) своей неявкой, изменением ранее данных правдивых показаний на частично правдивые или даже неправдивые.

Если приходится сталкиваться с большим числом потерпевших, то дополнительно к последовательностям, в которых будут исследованы эпизоды преступной деятельности и допрошены подсудимые, следует определить и последовательность допросов потерпевших, основываясь на знании их личностных особенностей, их роли и поведения в процессе совершения преступления и т. п.

Теперь перейдем к анализу тактического значения нескольких *качественных* особенностей рассматриваемых в суде уголовных дел. К числу таких особенностей относятся:

- 1) вид преступления, инкриминированного одному или нескольким подсудимым;
- 2) позиция каждого из подсудимых (отношение к предъявленному обвинению), характер показаний на предварительном следствии и степень вероятности их кардинального

изменения в суде;

3) качество расследования по представленному в суд делу.

Вид совершенного преступления следует учитывать в двух аспектах.

Первый – случаи рассмотрения в суде дел о преступлениях, относимых к категориям тяжких или особо тяжких. Сама возможность получения за такие преступления наказания в виде длительного лишения свободы может побуждать подсудимого к максимальному сопротивлению установлению истины.

Второй аспект – учет типичных сложностей в доказывании преступлений отдельных видов, часто относимых криминалистами к числу неочевидных (убийства, кражи) или малоочевидных (изнасилования). Эти сложности обуславливаются либо отсутствием прямых изобличителей (очевидцев убийств, краж), либо их единичностью (потерпевшая по делу об изнасиловании). Относительная ограниченность доказательственной базы, осознаваемая обвиняемым, а затем и подсудимым, может дополнительно побуждать его к оказанию максимального сопротивления обвинению.

При выборе порядка исследования доказательств тактическое значение имеет также учет второго из рассматриваемых факторов – *позиции каждого из подсудимых по отношению к предъявленному ему обвинению* (полное или частичное его признание или отрицание) *и характер их показаний на предварительном следствии*. В интересах поддержания госу-

дарственного обвинения тактически лучше первыми допрашивать подсудимых, полностью признавших обвинение (в отношении которых нет оснований предполагать изменения позиции), затем – частично признавших его и лишь потом – не признавших. Это особенно важно учитывать по групповым делам с большим количеством эпизодов, ибо в них правдивые показания одних подсудимых по всей совокупности преступлений не только подтверждают их собственную вину в содеянном, но и, что не менее существенно, изобличают соучастников, отрицающих ее, побуждая их тем самым к признанию своей вины.

Готовясь к судебному процессу, прокурор должен определить *степень вероятности кардинального изменения каждым из обвиняемых своей позиции и показаний в суде.*

Вскоре после принятия нового процессуального законодательства в судебной практике резко проявилась и стала угрожающе нарастать тенденция повсеместного отказа подсудимых от признанного ими на предварительном следствии обвинения и от своих показаний об обстоятельствах совершения ими преступления.

Не обсуждая здесь очевидных причин этого явления, прием его как факт, требующий существенной корректировки всей деятельности прокурора по поддержанию в суде государственного обвинения. В свете сказанного прокурору не следует обольщаться ни признанием обвиняемыми своей вины в преступлении, ни их соответствующими признанию по-

казаниями. Напротив, следует считать высоковероятным их отказ в суде и от признания вины, и от соответствующих показаний. Лучше быть заранее готовым к такому отказу и продумать меры по его нейтрализации, чем оказаться неподготовленным и стихийно, экспромтом искать аргументы для спасения поставленного под удар обвинения.

Ситуации, связанные с отказом от признававшегося ранее обвинения, возникают обычно по делам, в которых доказательственная база обвинения имеет существенные изъяны – упущения, противоречия. Обвиняемый, ознакомившись с материалами расследования и увидев слабости доказательственной базы, вполне резонно может отказаться от признания вины и защищаться от обвинения аргументами, вытекающими из ошибок следствия, имеющих противоречий и упущений. В этом ему квалифицированно поможет защитник.

Со стороны защиты в таких случаях можно ожидать ходатайства начать допрос с наиболее толкового из тех, кто не признает вины по делу в целом или по большинству эпизодов. Тактическая цель этого «хода» ясна – дать другим соучастникам образец разумного и стойкого сопротивления обвинению, подсказать новые, хорошо продуманные защитниками оправдательные аргументы (а возможно, и новую оправдательную модель происшедшего), чтобы тем самым одних соучастников укрепить в отрицании вины, а других – побудить к этому.

Кроме того, данное ходатайство защиты может косвенно указывать на высокую вероятность того, что в суде кардинально изменит свои показания в пользу подсудимых потерпевший или важнейший свидетель обвинения. Причем защитники (по групповому делу их несколько), скорее всего, будут знать, как конкретно изменятся эти показания. С учетом этого защита и хотела бы, с одной стороны, не допустить ошибки – признания вины кем-либо из подсудимых, не знающих о грядущем изменении в их пользу показаний потерпевшим или свидетелем, а с другой – опробовать блок новых оправдательных аргументов, согласованных с предстоящими изменениями показаний кем-либо из основных фигур, поручив эту ответственную задачу лучшему из числа подзащитных (подсудимых).

О позиции, избранной подсудимым, становится известно в самом начале судебного следствия, когда председательствующий спрашивает его о том, признает ли он себя виновным по делу (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). Сопоставив ответ подсудимого с его прежней позицией, прокурор оценивает сложившуюся ситуацию и с учетом ее характера формулирует ходатайство о наиболее целесообразном порядке судебного исследования доказательств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.